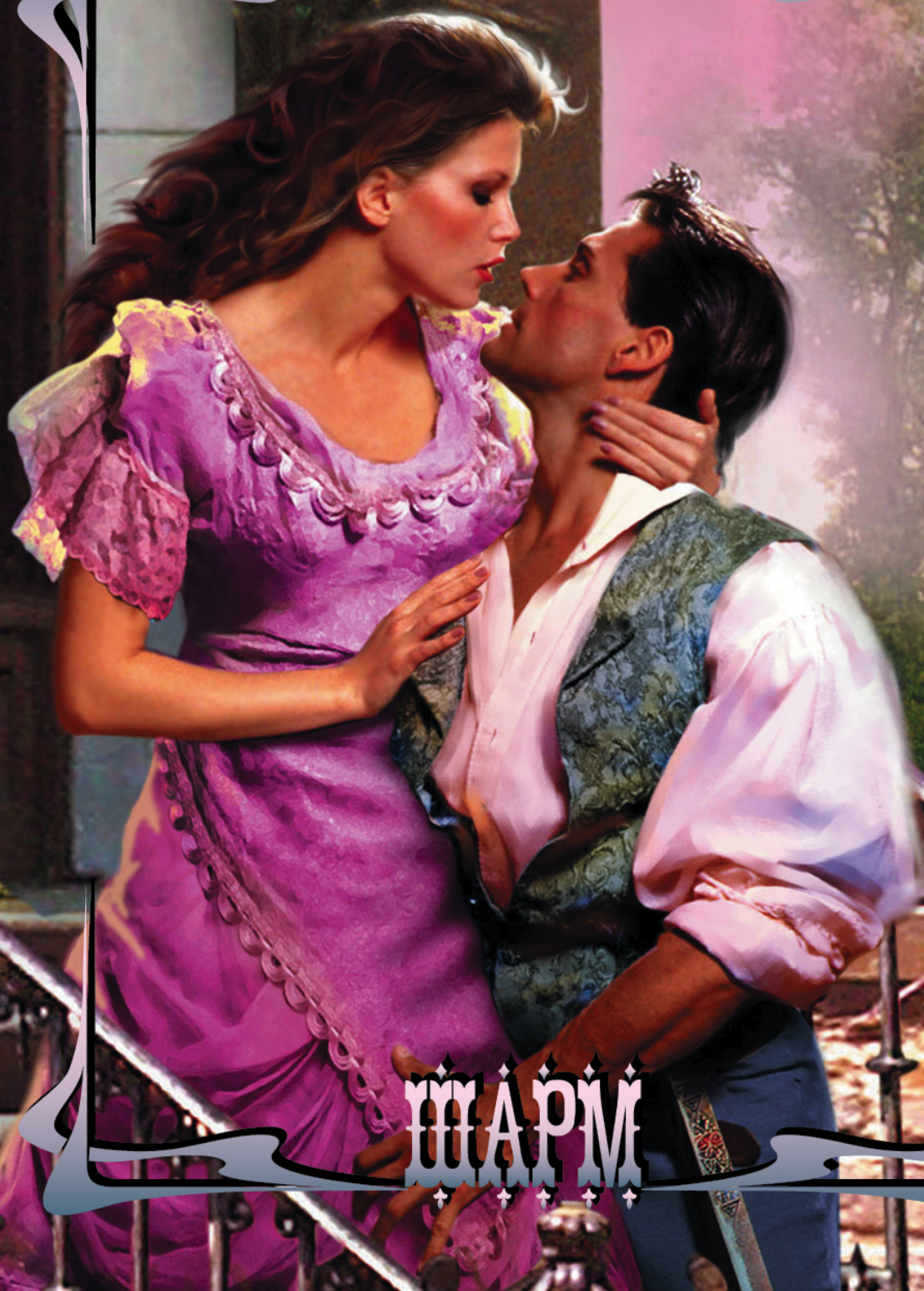

СЮЗАННА ЭНОК

Сказдальное пару

ШАРМ

Шарм (АСТ)

Сюзанна Энок

Скандальное пари

«Издательство АСТ»

2006

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Энок С.

Скандалное пари / С. Энок — «Издательство АСТ»,
2006 — (Шарм (АСТ))

ISBN 978-5-17-112295-9

Знаменитый ловелас лондонского света герцог Уиклифф прекрасно понимал, что может соблазнить ЛЮБУЮ женщину. Почему же тогда холодная красавица Эмма Гренвилл так упорно отвергает все ухаживания и противостоит его неотразимым чарам? Герцог должен, обязан влюбить в себя эту недоступную гордячку. Но обольщение – оружие опасное, и однажды охотничий азарт вполне может превратиться в истинную, жаркую, непреодолимую страсть...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-112295-9

© Энок С., 2006
© Издательство АСТ, 2006

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	37
Глава 6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сюзанна Энок

Скандалное пари

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Suzanne Enoch
A MATTER OF SCANDAL

Перевод с английского *И. Э. Волковой*

Печатается с разрешения Avon, an imprint of HarperCollins Publishers, и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© Suzanne Enoch, 2006
© Перевод. И. Э. Волкова, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Глава 1

Случайные путешественники никогда не появлялись в западном Гемпшире во время сезона¹. А если и появлялись, то с какой-либо определенной целью.

Стало быть, эти три огромные кареты, двигавшиеся по разбитому проселку, соединявшему Вестминстер с основной дорогой, заблудились. И очень сильно.

Приподняв подол коричневого муслинового платья, чтобы не запачкать его, Эмма Гренвилл пошла напрямик через незасеянное поле, потому что была уверена, что такие роскошные экипажи вряд ли посторонятся ради какой-то директрисы школы для девочек. А кареты и вправду выглядели великолепно! Элизабет и Джейн пожалеют, что не поддались утром на ее уговоры и не пошли прогуляться вместе с ней. Изящный кортеж почтил своим присутствием Гемпшир, да еще летом! Кто бы мог подумать!

Первая карета, переваливаясь на рытвинах с боку на бок, проехала мимо Эммы не останавливаясь, но девушка успела заметить на дверце герб: красный дракон и меч. Занавески из тонкой ткани были задернуты. Дворяне, подумала она, и ее любопытство еще более возросло. Когда к ней приблизилась вторая карета, кучер в знак приветствия приложил к шляпе два пальца и довольно фамильярно улыбнулся.

Господи, она таращит глаза, словно деревенская простушка, впервые приехавшая на ярмарку, а своих воспитанниц учит, что неприлично смотреть на кого-либо в упор. Придется ей последить за собой и не допускать таких ошибок. Слегка покраснев, Эмма ускорила шаг – до академии уже было недалеко.

Неожиданно громкий треск заставил ее вздрогнуть и обернуться. Вторая карета, наехав на валун, опасно накренилась, а потом с грохотом снова опустилась на дорогу. Одно колесо при этом соскочило с оси и покатилося в полушаге от Эммы в высокую траву. Карета, окончательно завалившись на бок, остановилась посреди дороги.

– Господи! – испуганно воскликнула Эмма, прижав руки к груди.

Лошади, фыркая, били копытами, кучер ругался. Эмма бросилась к карете, и в этот момент изящная дверца распахнулась.

– Черт вас побери, Уиклифф, да и вашу дурацкую поездку заодно!

Хорошо одетый молодой человек, стоя на ступеньке кареты, пытался удержать равновесие, но поскользнулся и упал прямо в грязь, чуть было не сбив с ног Эмму. Она быстро отскочила назад, но наткнулась на кирпичную стену.

«Нет, это все же не стена», – мелькнуло у Эммы в голове, потому что в этот момент кто-то подхватил ее под локоть.

– Спокойно, – услышала она низкий мужской голос, от которого у нее по спине побежали мурашки.

Эмма резко обернулась: возглас изумления застрял у нее в горле. «Кирпичная стена» оказалась широкоплечим мужчиной огромного роста. У гиганта были светло-зеленые глаза, которые с некоторым любопытством смотрели на нее, и красиво изогнутые брови.

– Может, вы отойдете немного в сторону?

– О! – Эмма, сделав шаг, снова споткнулась. – Извините.

Она не могла припомнить, чтобы ей когда-либо приходилось видеть мужчину, тем более аристократа, так... великолепно сложенного.

Однако этот дьявольски интересный великан прошел мимо нее и одной рукой поднял упавшего молодого человека.

¹ Светский сезон (май – июль), когда королевский двор и высший свет находятся в Лондоне. Время балов, приемов и других развлечений. – *Здесь и далее примеч. пер.*

- Вы не ушиблись, Бламтон? – осведомился он.
- Нет, но вы только посмотрите на меня! Я весь перепачкался!
- Да уж вижу. Отойдите-ка туда, – гигант указал на край дороги, – а то и меня запачкаете.
- Но...
- Ах, Грей!

На пороге кареты появилась дама. Вздохнув, она весьма искусно рухнула в объятия своего кавалера. Ее белокурые волосы, немного более светлые, чем растрепанные, цвета темного меда волосы мужчины, золотым каскадом упали ему на руку.

- Ловко это у тебя получилось, Элис.

По-видимому нисколько не тронутый состоянием женщины, атлет сделал движение, будто намерен сбросить свою ношу прямо в лужу.

Эмма сделала шаг вперед:

- Сэр, неужели вы хотите...

Элис мгновенно пришла в себя и уцепилась за его шею.

- Не смей, Уиклифф! Смотри, какое месиво!

– Но этот факт не убеждает меня и дальше тебя таскать. Я стою в грязи так же, как эта болтливая женщина.

«Болтливая женщина?» – нахмурилась Эмма. Он, конечно, красив, но его манеры оставляют желать лучшего. А она учит своих воспитанниц, что хорошие манеры – это первый признак настоящего джентльмена.

Тем временем еще одна женщина появилась в дверях кареты:

- Отпусти его, Элис, дай и другим шанс.

– Я спасу вас, Сильвия, – заявил выпачканный в грязи джентльмен. Он вернулся к карете и протянул руки.

- И это после того, как вывалились в грязи? Нет уж, Чарлз. Грей, вы поможете?

Эмма хотела посоветовать, чтобы все отошли к обочине дороги, где земля была гораздо суше, но потом, напомнив себе, что эти люди – аристократы, а аристократам, как известно, свойственна самоуверенность и глупость, сложила руки на груди и стала молча наблюдать.

Она – болтливая женщина! Ха!

Уменьшительное имя Грей – так его называли дамы – вовсе не подходило такому рослому мужчине. Ему больше подошло бы Лев или что-нибудь столь же грозное.

А Грей между тем, хмурясь, смотрел на вторую даму.

- Не могу же я нести всех!

- А я отказываюсь от услуг Чарлза.

За спиной Эммы послышался чей-то вздох. На краю дороги, на единственной сухой полоске земли стоял, засунув руки в карманы, еще один мужчина. Несмотря на притворный ужас, написанный на его лице, его голубые глаза светились весельем.

– Черт, неужели придется мне? – лениво протянул он, с отвращением глядя на раскисшую дорогу.

Сильвия надула губы.

- Я бы предпочла...

- Да, Тристан, придется тебе, – отрезал красавец.

- Хватит ходить на цыпочках. Иди сюда.

- Думаю, тебе придется купить мне новую пару сапог, Уиклифф.

Эмма снова взглянула на человека, которого назвали Уиклиффом. Имя показалось ей знакомым, но она не могла вспомнить, где его слышала.

Среди девушек, окончивших академию, у нее были подруги, которые удачно вышли замуж, и, возможно, одна из них могла упомянуть это имя. Но было совершенно очевидно, что она никогда раньше не встречала этого человека.

Хотя Эмма и была вполне довольна своим положением незамужней женщины, но она слухавила бы, притворившись, что его красота оставляет ее равнодушной. Такие великолепные джентльмены, пожалуй, никогда не появлялись в этих краях.

Внезапно, словно вспомнив о ее существовании, Уиклифф посмотрел на нее, и Эмма покраснела, устыдившись своих неприличных, как ей показалось, мыслей.

– Если ты намерена быть свидетельницей этого спектакля, девочка, – прорычал он, – то по крайней мере помоги. Присмотри за лошадьми, пока Симмонс справится с другими каретами.

Еще ни один человек не говорил с директрисой респектабельной школы в подобном тоне.

– Сомневаюсь, что меня можно так назвать, сэр, – язвительно парировала Эмма, – и, поскольку, кажется, никто не пострадал, я позволю себе заняться своими делами. Зачем мне лезть в грязь, если вы настолько нерасторопны, что не можете выбраться сами. – С этими словами, повернувшись, она пошла обратно, бросив через плечо: – До свидания.

– Ну и нахалка, – заметил Чарлз.

– Так тебе и надо, Уиклифф, – возразил ему Тристан. – Воображаешь, что можешь всеми командовать.

– Разве можно ожидать от крестьян, что они будут учтивы с теми, кто выше их по положению? – провозгласила Сильвия, по-прежнему стоя на ступеньке покосившейся кареты.

Эмма не обернулась, хотя ей очень хотелось напомнить этим напыщенным бездельникам, что, учитывая нынешнее состояние экономики и прогресса промышленности, термин «крестьяне» давно устарел. Пусть они и дальше пребывают в собственном невежестве и гемпширской грязи! Ей нет никакого дела до этого!

К тому времени, когда все наконец разобрались, кто в какой карете продолжит путь до поместья Хаверли, Грейдон Брэкенридж, герцог Уиклифф, уже пожалел, что не отправился пешком вслед за этой странной девчонкой. Он наверняка давно пришел бы в поместье своего дяди и смог бы промочить горло стаканчиком крепкого виски.

– Какие, однако же, хорошенькие девушки в Гемпшире, – проронил Тристан Кэрроуэй, виконт Дэр, усаживаясь в первый экипаж.

– Да у нее с головой не все в порядке.

– Ты всех считаешь ненормальными. А она тебя здорово отбрила!

– Грубиянка, только и всего. – Элис как можно ближе придвинулась к Уиклиффу, якобы для того, чтобы он смог подхватить ее, если ей снова придет в голову упасть в обморок. В закрытой карете было невероятно душно. Слава богу, Сильвия согласилась поехать в другой – вместе со своей горничной. – Я подозреваю, что в этом Богом забытом диком краю все такие, – добавила Элис, передернув плечами.

– Здесь Гемпшир, а не Африка, – фыркнул Тристан.

– Судя по недавней встрече, могла быть и Африка.

Не обращая внимания на перепалку, Грей отодвинул занавеску, надеясь, что хотя бы легкий ветерок проникнет через маленькое оконце. А девчушка, пожалуй, образованна. К тому же у нее прекрасные карие глаза и отличный цвет лица. Только шляпка довольно нелепая. Надо будет спросить дядю Денниса или тетю Регину, кто она такая.

Вспомнив о них, Грейдон вздохнул. Не так-то часто навещал он супругов Готорн – графа и графиню Хаверли – в последнее время, особенно с тех пор, как унаследовал титул герцога. Неожиданное приглашение в Гемпшир, хотя и было кстати по разным причинам, озадачило его. Что заставило дядю пригласить его в Хаверли в середине лондонского сезона? Скорее всего причиной были деньги.

– Как называется ближайший к поместью город? – спросил Грея Тристан, обмахиваясь шляпой и с ленивым любопытством разглядывая пейзаж за окном кареты.

– Бейсингсток.

– Ах, Бейсингсток. Придется мне туда наведаться.

– Зачем?

– Если ты ничего не заметил, не жди, что я начну посвящать тебя в свои замыслы, – усмехнулся виконт.

Конечно же, Грей заметил, но сейчас ему меньше всего были нужны любовные приключения.

– Делай как знаешь, Трис. Только меня не впутывай.

– Так-то ты разговариваешь с гостем!

– Я что-то не помню, чтобы кого-либо приглашал.

– Без вас, ваша светлость, в Лондоне была бы невероятная скука, – игриво рассмеялась Элис и прижалась к Грею. Если бы его легко было сдвинуть с места, эти знаки внимания могли кончиться тем, что она выпихнула бы его из кареты. – Но я обещаю развлекать вас здесь.

Тристан подался вперед и положил руку Грею на колено.

– И я обещаю, ваша светлость.

– Отстань!

– Отстаньте, Дэр, – жалобно сказала Элис. – Вы все испортите.

– Не забывайте, что это я ехал в карете с Греем. А вы следовали за нами с Сильвией и Блам...

– Не могли бы вы продолжать спор в форме пантомимы? – прервал его Грей и, скрестив руки на груди, закрыл глаза. На самом деле он не возражал против присутствия Тристана. Во-первых, он был ему чрезвычайно обязан – ведь тот освободил его из когтей некоей весьма хищной дамы, а во-вторых, их с Тристаном знакомство началось еще в доуниверситетские времена, да и развлечений в это время года в Гемпшире было не так уж много.

Присутствие Элис тоже можно было бы пережить, не вбей она себе в голову, что Грей – отличная партия. Но у него не было абсолютно никакого желания жениться, особенно после того, как он едва не попался в сети леди Кэролайн Шеффилд. Однако Элис, судя по всему, не принимала всерьез его антиматримониальные убеждения, поскольку всякий раз, когда она оказывалась в его постели, то заводила разговор о драгоценностях – и особенно о кольцах. К тому же не одна Элис охотилась за герцогом Уиклиффом, так что бегство в Гемпшир, пусть всего на неделю, оказалось как нельзя кстати.

– Это уже Хаверли? – спросил Тристан.

Грей открыл глаза.

– Да, Хаверли.

Он всегда любил поместье своего дяди. Стены и окна старого дома были увиты плющом. У подножия пологого холма серебрилось небольшое озеро, у берегов которого плавали лебеди и утки. По обеим сторонам дороги, полукругом ведущей к дому, на лужайках паслись овцы. Этот идиллический пейзаж навевал мысль о рае и мог бы служить прекрасной натурой для картины Гейнсборо².

– Все выглядит так, как обычно, – задумчиво произнес Грей.

– Ты ожидал чего-то иного? – Тристан придвинулся ближе к окну.

Проклиная себя за то, что дал Дэру повод для любопытства, Грей непринужденно откинулся на спинку сиденья.

– Вовсе нет. Меня удивило приглашение Денниса, и только. Я рад, что ничего не изменилось.

– А мне оно кажется необычным. – Элис перегнулась через руку Грея – якобы для того, чтобы выглянуть в окно, на самом деле чтобы прижаться к нему своей пышной грудью. – Сколько, ты говорил, отсюда до Бейсингстока?

² Английский живописец (1727–1788), портретист и пейзажист.

– Я не говорил. Две мили.

– А до ближайших соседей?

– Ты намереваешься нанести им визит вежливости? – Тристан еле заметно усмехнулся. – Или хочешь разведать, нет ли там соперницы?

– Да, я всегда веду себя вежливо, в чем и тебе советую попрактиковаться.

– А я в данный момент именно это и делаю, моя дорогая.

Грей снова закрыл глаза. Как же ему надоела эта трескотня! Он думал, что путешествие в Гемпшир будет приятным и мирным, вовсе не рассчитывая на то, что неприятности будут сопровождать его всю дорогу.

Как только Элис узнала планы Грейдона, она тут же рассказала о них всем, кто в тот момент был в его ложе в Воксхолл-Гарденз³. Выхода было два: либо убить их, либо, взяв с них клятву молчать, предложить поехать вместе.

– Грей, ты не собираешься меня защитить? – требовательно спросила Элис.

– Это была твоя идея поехать со мной. – Грей открыл глаза. – Так что защищайся сама.

Обычно споры даже доставляли Грею удовольствие. Он любил, когда ему бросали вызов. Но сейчас для первого не было причины, а второго и вовсе быть не могло. Он теперь герцог Уиклифф, черт побери, и может получить все, что пожелает, – стоит только протянуть руку. Но в последнее время герцог, пожалуй, только и делал, что старался избегать всевозможных приключений, а не намеренно искать их. Времена безрассудной юности ушли безвозвратно.

Карета остановилась. Подавив желание выскочить и скрыться от всех в буковой роще, Грейдон подождал, пока Хоббс, дворецкий, откроет дверцу.

– Добро пожаловать в Хаверли, ваша светлость, – скрипучим старческим голосом произнес тот.

– Спасибо, Хоббс. – Грей вышел и подал Элис руку. – У нас сломалась одна карета – примерно в миле отсюда. Пошлите туда кузнеца, и пусть он захватит колесо. Я оставил лошадей на Симмонса и нескольких слуг.

– Я сейчас же займусь этим, ваша светлость. Надеюсь, никто не пострадал?

– Мою одежду придется выбросить, – пожаловался Бламтон, слезая с облучка, где он сидел рядом с кучером. – Спасибо, что заставили меня жариться на солнце. Я чувствую себя словно кирпич.

– А вы на кирпич и похожи, – сказал Тристан и добавил: – Но не горюйте, здесь есть озеро.

Бламтон в ужасе попятился в сторону дома:

– Не подходите ко мне, Дэр, прошу вас.

– Да заткнись же ты наконец, Чарлз. – Леди Сильвия, шурша юбками, вышла из второй кареты. – Ни на минуту не умолкаешь! Вы бы слышали: все утро он болтал о политике.

Грей, усмехнувшись, повел всех к массивной дубовой двери.

– Надеюсь, Бламтон, вы не предлагали снова распустить парламент?

– Конечно, нет. Я только развил мысль, что, ограничивая власть короля, мы тем самым подрываем устои государства.

Тристан открыл было рот, но Сильвия прижала свою узкую ладонь к его губам.

– Нет, не поощряйте его. Я это слушала всю дорогу от Лондона. В следующий раз я поеду с Гр...

– Грейдон!

Деннис Готорн, граф Хаверли, появился из-за угла дома. Его круглое лицо расплылось в улыбку, но глаза были печальны, а лоб озабоченно нахмурен. Грей пошел ему навстречу и понял, что ошибался, предполагая, что все в порядке. Что-то определенно случилось.

– Дядя Деннис! – Грей крепко обнял старика. – Ты хорошо выглядишь.

³ Увесилительный сад в Лононе.

- Ты тоже, мой мальчик. Представь мне своих друзей. С Дэром я, конечно, знаком.
- Спасибо за приглашение приехать в Хаверли, – сказал Тристан, протягивая руку. – Его светлость совсем зачах в Лондоне.
- Как? – Граф с тревогой посмотрел на племянника. – Ты не заболел, мальчик?
- Только дядя Деннис все еще называл его так.
- Нет, дядя. – Грей бросил на Тристана предупреждающий взгляд. – Просто старею. Позволь представить тебе леди Сильвию Кинкэйд и мисс Босуэлл. А эта взъерошенная курица – кузен Сильвии, лорд Чарлз Бламтон.
- Добро пожаловать. – Граф, кланяясь, пожал всем руки. – Надеюсь, Гемпшир не покажется вам слишком скучным. Здесь, конечно, не Лондон, но и у нас есть развлечения.
- Какие, например? – спросила Элис, метнув на Грея взгляд из-под длинных ресниц.
- В августе мы устраиваем в Хаверли пикник, нечто вроде ярмарки. А в этот четверг в академии состоится спектакль. Будут играть «Ромео и Джульетту».
- Лицо Чарлза мгновенно просветлело.
- Академия? Что за академия?
- Грейдон недовольно сдвинул брови.
- Боже мой! Проклятая академия. Я и забыл об этом позорище!
- Ну, твои слова не совсем справедливы, – возразил ему дядя, провожая гостей к дверям дома. – Академия, лорд Чарлз, которой руководит мисс Гренвилл, – это пансион для благородных девиц, и находится она на земле Хаверли.
- Пансион для благородных девиц? – Чарлз скорчил такую гримасу, словно проглотил порцию хины. – Насколько я помню, Уиклифф, вы тоже не одобряете женского образования, не так ли?
- Грей молча обогнал Чарлза и вошел в дом.
- У меня нет никаких возражений против женского образования, – бросил он через плечо. – Просто я никогда не видел, чтобы этим занимались серьезно.
- Не будьте таким брюзгой, Уиклифф, – проворковала Сильвия. – Я тоже посещала такую школу.
- И чему вы там научились? – поинтересовался Грей, а Дэр пробормотал какое-то проклятие. – Ах да. Вы научились говорить то, что я хочу услышать. И, следуя традиции, казаться беспомощной и слабой, цепляющейся за...
- Стало быть, можно надеяться, что нам не придется присутствовать на этом представлении? – прервал его Тристан.
- Только если вы меня сначала убьете, а потом потащите туда мой бездыханный труп.

Глава 2

Тетя Регина взяла на себя хлопоты по размещению гостей, приказав сначала приготовить ванну для Бламтона. Если у нее и возникли кое-какие подозрения насчет статуса Элис и Сильвии, она предпочла их не высказывать. Вся семья знала о манере покойного отца Грея таскать за собой своих любовниц, и тетя Регина не была бы удивлена, обнаружив те же привычки у его сына.

Но у Грейдона были более серьезные причины для беспокойства, чем реакция тетушки на появление его компании. Сев на кожаный стул в кабинете графа, он заметил, что кое-где швы в обивке лопнули.

– Ну что ж, дядя, рассказывай, что случилось.

Деннис сделал несколько кругов по комнате, потом, остановившись напротив Грея, облокотился на спинку стула.

– Ты мог хотя бы из вежливости считать, что я пригласил тебя в Хаверли, поскольку мы не виделись уже четыре года.

– Неужели прошло столько лет?

– Именно столько. Я так по тебе соскучился, мой мальчик! Хорошо, что ты захватил с собой друзей. Полагаю, это означает, что на сей раз ты собираешься побыть у нас подольше?

– Думаю, это зависит не от меня. – А от того, сколько времени ему удастся скрываться от лондонских хищниц. – И все-таки, что произошло?

Тяжело вздохнув, граф сел.

– Деньги.

Было бы неплохо, если бы он хоть иногда ошибался, подумал Грей.

– Сколько?

Деннис показал на потрепанный гроссбух на письменном столе.

– Мне следовало бы обратиться к тебе раньше... но когда был собран урожай, я подумал... Лучше ты сам посмотри.

Последняя страница бухгалтерской книги пестрела записями о неоплаченных долгах. Грею, владеющему несколькими обширными поместьями и двумя домами в Лондоне, было достаточно одного взгляда на эти записи, чтобы все понять.

– Боже правый, – пробормотал он, – это счастье, что тебя не потащили в Олд-Бейли⁴ за неоплаченные долги.

– Знаю, знаю. Я не...

– Как ты допустил такое?

Краска залила не только щеки, но и все лицо графа Хаверли.

– Понимаешь, это случилось не сразу, а как-то постепенно надвигалось... Прентис – ты его знаешь – в прошлом году заболел. Вместо того чтобы заменить старика кем-нибудь, я начал сам вести бухгалтерию. И только тогда понял, что мой управляющий не был таким уж... старательным и не был честен, когда докладывал мне, как идут дела.

– Прентиса следует повесить за небрежность, – процедил Грей сквозь зубы, пролистывая гроссбух. – И тебя тоже, за то, что ты доверял этому старому, трясушемуся...

– Ну, хватит, хватит, мой мальчик.

– Мне тридцать четыре года, дядя. Пожалуйста, не называй меня мальчиком.

– А тебе не кажется, что в твоём возрасте следовало бы уже научиться щадить чувства других людей?

Тяжело вздохнув, Грей закрыл гроссбух.

⁴ Центральный уголовный суд в Лондоне.

– Я не перевариваю дураков, дядя, если ты это имеешь в виду.

– Да, ты сын своего отца, и с этим ничего не поделаешь.

Грей почувствовал, что его начинают раздражать сентенции дяди.

– В последнее время мне часто это говорят. Буду считать это комплиментом, поскольку это ведь был комплимент, не так ли? А теперь я повторяю свой вопрос: зачем ты пригласил меня?

Деннис откашлялся:

– Ты прав. Не стоит дразнить льва, если собираешься сунуть голову ему в пасть.

Грей молча смотрел на дядю.

– Ладно. Я знаю, что ты можешь себе позволить купить Хаверли или оплатить все долги, которые тянут меня ко дну.

– Да, я мо...

– Но мне не хочется, чтобы ты это делал. Семья Готорн владеет этим поместьем более трехсот лет, и я живу здесь уже тридцать. Неприятности начались всего год-два назад.

– Если не раньше, – буркнул Грей.

– Помоги поставить поместье на ноги. Мне нужен план.

– Тебе нужно чудо.

– Грейдон!

Грей попытался справиться со своим раздражением. Было совершенно очевидно, что неточная, неаккуратная бухгалтерия была причиной надвигавшейся катастрофы, но ему не удастся уйти от ответственности и придется провести много времени за письменным столом, копаясь в документах и разбираясь в цифрах.

– Мне нужна полная информация.

Дядя заметно расслабился.

– Разумеется. Я полностью отдаю все дела Хаверли в твои руки. Мне жаль, что пришлось вытащить тебя из Лондона, да еще в разгар сезона, но я не знал, что мне делать.

– Не переживай. В Лондоне мне и так не было покоя.

Впервые после их встречи Деннис улыбнулся:

– Ты имеешь в виду свою мать?

– И ее, среди прочего. Как тебе удалось жить с ней под одной крышей и долго оставаться холостым вопреки ее попыткам женить тебя?

– Можешь мне поверить, она старалась изо всех сил. Она даже сумела обручить меня с дочерью священника, когда мне было восемь лет. Если бы я не сделал предложение Регине, Фредерика спустила бы на меня всех собак.

– Ну, а мне в этом сезоне эти собаки уже все пятки обгрызли. – Дядя посмотрел на племянника с любопытством, но у Грея не было желания вдаваться в подробности. Он снова открылgrossбух. – Здесь записаны твои постоянные арендаторы?

– Да.

– А где указана величина арендной платы?

– Вот, – ткнул пальцем Деннис.

Грею показалось, что глаза обманывают его. Он в недоумении взглянул на дядю:

– А когда ты в последний раз ее повышал? В начале века?

– Я думал, что поместье в хорошем состоянии...

– Первое, что ты должен сделать, – это уволить Прентиса.

– Но...

– Если хочешь, назначь ему пенсию, но ноги его больше не будет в Хаверли. А второе, что тебе надо сделать, – это повысить арендную плату.

– Арендаторам это не понравится.

– А тебе, дядя Деннис, не понравится долговая яма. Поднимай плату.

– Но такова традиция!

– Если бы мы следовали традиции, Джейн, все роли должны были бы играть мужчины. – Эмма Гренвилл стиснула на коленях руки, не зная, плакать или смеяться. – Поскольку это школа для девочек, у нас вообще некому было бы выходить на сцену.

– Но я не желаю целовать Мэри Могри. Она все время хихикает.

Эмма бросила взгляд на группу девушек, которые репетировали сцену поединка, держась как можно дальше от леди Джейн Уайдон, которая сегодня была явно не в настроении.

– Тогда мы подыщем тебе роль, где не надо целоваться, – ответила Эмма тем спокойным, уравновешенным тоном, которого ее ученицы очень быстро научились бояться.

– Джейн может играть старую толстую кормилицу, – предложила самая юная из воспитанниц – Элизабет Ньюкомб. – Кормилице не надо никого целовать.

– Помолчи-ка, Лиззи! Я не собираюсь...

– Толстую кормилицу сыграю я, – пряча улыбку, вмешалась Эмма, – так что никому из вас эту роль играть не придется.

– А я уверена, что Фредди Мейберн будет просто обалденным Ромео! – настаивала Джейн.

Эмма надеялась, что не личный опыт заставляет Джейн упрямиться. В противном случае придется приказать запирать ворота на два замка и поставить у каждой двери охранников.

– Прежде всего, леди Джейн Уайдон, – строго сказала Эмма, – вам это известно, что в академии не принято употреблять сленг и вульгаризмы. Пожалуйста, исправьте вашу фразу.

Джейн покраснела до корней своих черных как вороново крыло волос, сразу сделавшись еще более прелестной.

– Фредди Мейберн был бы великолепен в роли Ромео.

– Да, безусловно. Но наша школа предназначена для девушек, а не для Фредди Мейберна. И я выбрала эту пьесу, чтобы научить умению держаться, уверенности в себе и дикции вас, а не его.

– А кроме того, – снова вмешалась Элизабет, – мы с Мэри Могри уже не одну неделю репетируем, и я не хочу быть Меркуцио, если Фредди Мейберн будет играть Ромео. От него пахнет чем-то неприятным.

– Ничего подобного! Это модный французский одеколон.

Похоже, все они слишком хорошо знакомы с Мейберном. Эмма хлопнула в ладоши, чтобы привлечь к себе внимание.

– Никаких перемен ролей! Если вам непременно хочется вызвать восхищение мистера Мейберна или кого-либо еще, постарайтесь как можно лучше сыграть в спектакле.

– Да, мисс Эмма, – сникнув, согласилась Джейн.

– Вот и хорошо. Почему бы нам до ленча не пройти снова сцену бала у Капулетти? Акт первый, сцена пятая.

– По крайней мере в этой сцене мне не надо целовать Мэри, – пробормотала Джейн и, круто повернувшись, вернулась на сцену.

Эмма села на скамью во втором ряду. После того как из монастырской церкви были убраны довольно мрачные деревянные изваяния апостолов, помещение превратилось в превосходный зал, подходящий для театральных представлений.

Девушки, не участвующие в сцене бала, расположились рядом.

– Начинайте, – обратилась Эмма к мисс Перчейз, преподавательнице латыни и вышивания, которая отвечала за занавес.

– Мисс Эмма, – Элизабет Ньюкомб, сидевшая впереди, обернулась к ней, – расскажите нам, какие были кареты.

– Но не во время же репетиции. Сядьте прямо, лицом к сцене, Элизабет. Уважайте своих соучениц, и они будут относиться к вам с таким же уважением.

Элизабет послушалась, но пробормотала:

– Вы никогда ни о чем нам не рассказываете.

– Воспитанные леди не сплетничают, – возразила Эмма.

– Скажите по крайней мере, эти люди – были ли они красивы? – прошептала Джулия Потуин с задней скамьи.

– Я не заметила, – ответила Эмма, но ей тут же вспомнились светло-зеленые глаза. – Но что гораздо важнее внешности...

– Деньги, – выпалила Генриетта Брендейл, и Эмма услышала за спиной дружные, хотя и приглушенные смешки.

– И все-таки, Генриетта?

Хорошенькая брюнетка вздохнула и, теребя локон длинных волос, произнесла:

– Порядочность.

– Но разве...

– Нет, Мэри, – поднявшись с места, крикнула Эмма одной из участниц репетиции. – «Подобно яркому бериллу», а не «светилу».

– Но «светилу» звучит более поэтично!

– Возможно, дорогая, но Шекспир решил, что «берилл» все же лучше.

– Ладно.

Мэри повторила реплику правильно, и Эмма снова опустилась на скамью. Со вчерашнего дня эти зеленые глаза почти полностью занимали ее мысли, отвлекая от повседневных дел: репетиций, составления бюджета, организаций летней программы занятий. Никто в округе не слышал о гостях лорда и леди Хаверли, особенно о медногривом льве, а Эмме никак не удавалось придумать причину, по которой она могла бы нанести им визит и что-нибудь разузнать. А впрочем, все это глупо – Эмма никогда, даже будучи совсем юной девушкой, не позволяла себе витать в облаках и хотела бы надеяться, что в свои двадцать шесть лет не стала глупее.

Кто-то тронул ее за плечо.

– Что такое, Молли? – обернувшись, спросила она служанку.

Та протянула ей записку:

– Тобиас сказал, что это от лорда Хаверли.

Странное предчувствие вдруг взволновало Эмму. Она медленно – чтобы не подумали, что ей не терпится, – развернула листок, прочла послание – и сердце ее забилося с удвоенной силой.

– Оказывается, меня хочет видеть лорд Хаверли, и как можно скорее.

– Ой! Может, вы там познакомитесь с гостями! – Головка Элизабет опять показалась из-за высокой спинки скамьи первого ряда.

– Обычно мы с лордом Хаверли обсуждаем проблемы, связанные с академией. – Эмма снова встала. – Мисс Перчейз!

– Да, мисс Эмма? – Латинистка высунула голову из-за занавеса.

– Не прочтете ли вы за меня реплику кормилицы?

– Я?

– Да, мисс Перчейз. Мне необходимо срочно ехать в Хаверли. – Эмма пошла к дверям, на ходу бросив Молли: – Скажите Тобиасу, чтобы оседлал Пимпернелу.

– Хорошо, мисс Эмма.

Пока она поднималась к себе, чтобы переодеться в костюм для верховой езды, ее возбуждение росло. Чтобы успокоиться, Эмма попыталась трезво оценить обстановку. Его, то есть всех их может не оказаться дома. В такой прекрасный день она, например, обязательно поехала бы на прогулку, конечно, если бы ее не ждали какие-то неотложные дела.

Во дворе академии Тобиас Фостер, помощник конюха, привратник и вообще человек, выполняющий самые разные поручения, помог Эмме сесть в седло, и она пустилась в путь.

Ей уже давно следовало поехать в Хаверли – задолго до приезда гостей. Крыша школьной конюшни нуждалась в ремонте, равно как и кирпичная стена, ограждавшая поместье. Школа могла позволить себе произвести подобный ремонт, но Эмме хотелось потратить эти деньги с большей пользой. Лорд Хаверли всегда предлагал ей помощь в подобных расходах, и, кроме того, она собиралась спросить его, нельзя ли будет на время ремонта крыши разместить пять лошадей в его конюшне.

Приехав, Эмма оставила свою лошадь на попечение конюха и, обогнув дом, поднялась по невысоким ступеням, ведущим к дверям парадного входа. Дворецкий открыл дверь еще до того, как она постучалась. Эмма приветливо улыбнулась ему:

– Как вам это удастся, Хоббс?

– У меня очень хороший слух, мисс Эмма, – ответил дворецкий, пропуская ее в просторный холл.

– Тогда понятно.

– Кроме того, мне известно, что вас ждут. – Суровое лицо Хоббса расплылось в улыбке.

Дом казался тихим и опустевшим – только несколько слуг почти бесшумно прошли через холл. Эмма поднималась вслед за дворецким в кабинет графа и вдруг невольно почувствовала огорчение, но тут же одернула себя: ее вполне устраивало общество хозяев дома, а до их гостей ей нет никакого дела. Хоббс отправился искать графа, а Эмма подошла к столику с шахматами.

Белые на шахматной доске уже продвинулись на один ход, и, немного поразмыслив, она сделала ход слоном. Они с графом разыгрывали эту партию уже почти два месяца. Ей следовало бы почаще здесь бывать, подумала она.

– Эмма!

Она обернулась и увидела графа, входившего в кабинет. Он казался очень взволнованным. «Зачем я ему так срочно понадобилась?» – спросила себя Эмма, но постаралась ничем не выдать своего удивления.

– Милорд, я надеюсь, вы и леди Хаверли в добром здравии?

– Да, да. Все отлично. Простите, что оторвал вас от ваших учениц.

– Они репетируют «Ромео и Джульетту» и вряд ли будут по мне скучать.

– Никогда этому не поверю. – Его обычно искренняя улыбка сейчас казалась вымученной. – Но прошу вас, сядьте. Мне... нужно кое-что с вами обсудить.

Эмма села у письменного стола и сложила руки на коленях.

– Честно говоря, я была рада, что вы послали за мной. Мы так давно с вами не виделись, а мне хотелось бы узнать ваше мнение по многим вопросам.

– Тогда спрашивайте, – откашлялся граф. – Как говорится, сначала дамы.

Да, безусловно, что-то случилось. Но – и этому она учила своих воспитанниц – никогда не следует совать нос в чужие дела.

– Ну что ж. Вам известно, что тетя Патриция начала ремонт и частичную реставрацию старого дома академии. Однако с тех пор, как она два года назад скончалась, мне не удалось осуществить ее проект.

– Вы не можете винить себя за это. Я знаю, насколько вы были заняты, моя дорогая. Нелегко было взвалить на себя руководство академией в двадцать три года, и вы меня в этом не переубедите.

– Спасибо, – улыбнулась Эмма. – Вместе с тем неразумно было бы ждать дольше: крыша конюшни превратилась в решето, а северная стена непременно рухнет при первом же сильном порыве ветра. Поэтому я хотела узнать, все ли вы еще согласны...

Он встал так быстро, что она вздрогнула от неожиданности, обошел письменный стол и снова сел напротив нее.

– Я собираюсь повысить арендную плату академии. – Он придвинул к ней какую-то бумагу. – Вот здесь все расчеты и условия. Если вы поставите внизу свою подпись, мы можем закончить это дело и пойти в сад, где нам подадут ваши любимые пирожки с яблоками. Регина попросила кухарку испечь их специально для вас.

Эмма внимательно посмотрела на графа. Казалось, он говорит совершенно серьезно, и все же... она попыталась рассмеяться.

– Господи! Если вы и дальше будете продолжать шутить, мне придется заставить вас заплатить шиллинг, чтобы посмотреть наш спектакль.

– Это не шутки, Эмма. Я ненавижу себя за то, что делаю, но по-другому нельзя.

Эмма взглянула на бумагу, которую граф положил перед ней, и с замиранием сердца прочитала все цифры и условия, сформулированные в точных юридических терминах.

– Это в три раза больше того, что академия платит сейчас.

– Да, знаю. Но я уже очень давно... не повышал арендную плату.

– Но я в этом не виновата! – Эмма вскочила со стула.

И без того красное лицо графа покраснело еще больше.

– Эмма, пожалуйста, успокойтесь.

Эмма заставила себя сесть, подавив желание швырнуть что-нибудь об пол.

– У вас с тетей, да и у нас с вами всегда были сердечные отношения. Я считаю вас своим близким другом, лорд Хаверли.

– А я – вас, – примиряющим тоном ответил тот. – Уверяю вас, здесь нет ничего личного. Если вам от этого станет легче, могу сказать, что это мой племянник Уиклифф заставил меня увеличить плату нашим арендаторам. И все меня, слава богу, поняли.

Значит, идея принадлежит Уиклиффу, подумала Эмма. Пусть он и красавец, решила она тотчас, но этот золотогривый лев ей теперь не нравится. Ни чуточки.

– Если другие арендаторы согласны платить вам больше, я не вижу оснований делать то же самое. – Эмма постаралась взять себя в руки и говорила спокойно. Считалось, и это было всеобщее мнение, что способность логически рассуждать – ее сильная сторона. – Академия – учебное заведение. По одной этой причине мы заслуживаем особого отношения.

У графа задержалась щека.

– Я...

– И Академия мисс Гренвилл славится по всему Лондону, – поспешила добавить Эмма. Надо убедить его при помощи фактов, это единственный шанс. – Только за последние два года наши выпускницы вышли замуж: одна – за маркиза, две – за герцогов и одна – за барона. А ведь это отражается и на вашей репутации. Академия никогда не процветала бы, будь нашим землевладельцем какой-нибудь невежественный диктатор.

– Про меня вряд ли можно сказать, что я диктатор.

– Конечно, нет. – Эмма улыбнулась и пожала руку сэру Хаверли. – Вы добрый, понимающий, всегда готовый прийти на помощь. Поэтому я ни о чем не буду вас просить, кроме одного: пока мы будем чинить крышу конюшни, приютите у себя наших лошадей, ладно?

– Я... нет... никаких проблем. Разумеется.

Граф выглядел обескураженным. Эмма расценила это как знак того, что ей следует как можно скорее удалиться. Она должна выработать стратегию поведения до того, как новая арендная плата разрушит все ее планы относительно академии.

– Благодарю вас, милорд. – Она встала. – Надеюсь увидеть вас и леди Хаверли на нашем спектакле в четверг вечером.

– Ах да. Да.

Затаив дыхание, Эмма вышла из кабинета, сбежала вниз по лестнице в холл и выскочила из дома, хотя никто за ней не гнался.

Это была катастрофа. Нет – хуже катастрофы. Конюха на месте не оказалось, и некому было посадить Эмму в седло, поэтому она, взяв лошадь под уздцы, вывела ее из стойла и как можно быстрее зашагала в сторону академии. Подобная тактика, пусть и не очень честная, даст ей по крайней мере возможность до четверга подумать о том, как противостоять решению этого бессовестного Уиклиффа.

Услышав, как захлопнулась входная дверь, Грейдон отложил в сторону гемпширский сельскохозяйственный журнал. Он, пожалуй, сочувствовал дяде, который с большой неохотой согласился поднять ренту арендаторам Хаверли, но с одним исключением. Пансион для благородных девиц – придумают же! С таким же успехом могли назвать свое заведение как-нибудь по-другому, например академия, в которой учат, как заполучить мужа, или что-то в этом роде. Уиклифф был уверен, что это чертово заведение работает весьма успешно – именно его закончила Кэролайн, а ей почти удалось опутать его цепями брака.

Он оставил дверь библиотеки открытой, рассчитывая услышать, как пройдет беседа между дядей Деннисом и мисс Гренвилл, но они говорили слишком тихо – он не смог ничего разобрать.

Дэр и другие гости уехали из Хаверли якобы для того, чтобы совершить поездку в Бейсингсток и осмотреть окрестности, но Грея не так-то просто было обмануть. Скорее всего Тристан надеялся разыскать дерзкую девчонку, которую они встретили по дороге сюда. Он и сам не прочь был найти ее, а упущенную сегодня возможность добавил к своему списку недостатков мисс Гренвилл. Пройдя по коридору, Уиклифф постучал в дверь дядиного кабинета и вошел.

– Полагаю, старая дева не обрадовалась тому, что ты ей сказал? – спросил он, даже не пытаясь скрывать свое злорадство.

Граф стоял у окна и смотрел в сад.

– Незачем так веселиться по этому поводу, – проворчал он.

– Ты добрее, чем я. – Грей передвинул на шахматной доске пешку в ответ на ход дяди. – Но сочувствие не спасет Хаверли. Ты уже расписал, кто сколько должен платить?

Деннис нахмурился.

– Нет. Я... – К удивлению Грейдона, он вдруг рассмеялся. – Она меня перехитрила. Нет, на самом деле эта малышка оказалась умнее меня!

– О чем ты говоришь? – Грей, подойдя к письменному столу, схватил соглашение, которое с таким трудом составил накануне вечером. – Она не подписала! – Он в упор посмотрел на дядю. – Почему?

– Думаю, мисс Гренвилл была больше озабочена тем, куда пристроить лошадей, пока она будет ремонтировать крышу конюшни.

– Проклятие! Хаверли не заповедное поместье⁵, дядя. Я сомневаюсь, что тот богатый торговец, которому ты продашь его, будет столь же великодушен к твоим арендаторам.

– У нее были веские причины.

– Ну и что? Неужели ты позволишь какой-то женщине довести Хаверли до разорения?

– Все не так ужасно, как ты...

– Если и дальше продолжать в том же духе, будет гораздо ужаснее! – Грей, схватив бумагу, сунул ее в карман. – Но я тебе этого не позволю.

Выйдя из кабинета, он осведомился у Хоббса, не знает ли тот, на чем приезжала мисс Гренвилл. Узнав, что она была верхом, Грей приказал оседлать огромного жеребца дяди и пустился вслед за ней.

Директриса, очевидно, решила насладиться прекрасным утром, чтобы полнее ощутить свою победу, потому что очень скоро он нагнал ее. Она шла пешком, ведя за собой маленькую гнедую кобылку.

⁵ То есть закреплено навечно за наследниками.

– Мисс Гренвилл? – крикнул он, догоняя ее.

Она круто обернулась, прижав руку к груди. И Грейдон тут же забыл, что хотел сказать.

На него с испугом смотрели большие карие глаза, мягкие полные губы слегка дрожали. Да это же та девчонка с дороги! Та самая, о которой он тщетно пытался не думать. Та самая, которую поехал искать Тристан.

– Вы мисс Гренвилл?

Дрожащие губы вдруг плотно сжались.

– Да, – резко ответила она, – я мисс Эмма Гренвилл. Мисс Патриция Гренвилл была моей тетей.

Была.

– Значит, теперь вы – директриса этой чертовой академии.

Хотя это и не было вопросом, она кивнула:

– Да. Спасибо за соболезнования, которые вы прислали после смерти тети Патриции.

Грейдон прищурился. Он не позволит какой-то девчонке, которая, судя по всему, только что окончила школу, так с ним разговаривать.

– Вы... еще девочка. Вы не можете быть...

Эмма насмешливо подняла брови.

– Мне двадцать шесть лет, я взрослая женщина. Но, полагаю, вы помчались следом не для того, чтобы поинтересоваться моим возрастом? Не так ли, сэр?

– Ваша светлость, – поправил ее Грейдон.

В глазах девушки появилось удивление. Ей никогда не следует играть в карты, машинально подумал он. У нее все на лице написано.

– Вы герцог? – спросила она недоверчиво.

– Да. Герцог Уиклифф.

Растерянность Эммы вызвала у Грея непонятное, пожалуй, даже абсурдное чувство торжества. Он ее нашел, а Тристан остался ни с чем! Это его добыча. Как и в тот раз, когда он впервые увидел ее, ему представились шелковые простыни и обнаженные тела.

– Уиклифф, – задумчиво произнесла Эмма. – Грейдон Брэкенридж. Кто-то из моих друзей говорил мне о вас.

– И кто же? – Сомнительно, чтобы кто-нибудь из друзей этой прославленной гувернантки был с ним знаком.

– Леди Виктория Фонтейн. Я имею в виду Викторию, леди Олторн.

– По прозвищу Ведьма?

Судя по тону, он ей не поверил.

– Да.

– И что же она обо мне сказала?

– Что вы высокомерны. А теперь прошу извинить, ваша светлость, меня ждут на уроке. До свидания.

– Но вы не подписали соглашение об аренде.

Она посмотрела на него из-под полей строгой зеленой шляпки:

– Это касается только меня и лорда Хаверли, ваша светлость.

Уиклифф навис над ней, как скала, но, пожалуй, это несколько ее не испугало – скорее, он чувствовал себя бандитом. Соскочив с лошади, он предупредил:

– Если вы не желаете платить более высокую ренту, вам придется подыскать для вашей академии новое место.

Грейдон был крайне раздражен замечанием Эммы о его высокомерии, и в то же время ему безумно хотелось развязать шелковую ленту у нее под подбородком и сорвать эту нелепую чопорную шляпку.

Эмма надменно вскинула голову:

– Это лорд Хаверли заставил вас догнать меня и начать запугивать?

– Я просто констатировал факт.

– Ах вот как! Полагаю, что факт, ваша светлость, состоит в том, что вы, очевидно, не одобряете женское образование. Но то, что Хаверли принадлежит Деннису Готорну, – тоже факт, и я буду вести переговоры только с ним. А теперь прошу меня извинить.

Резко повернувшись, так что взметнулась ее зеленая юбка, Эмма пошла дальше. Грей с минуту смотрел ей вслед, восхищаясь тем, как грациозно покачивались ее бедра. После шляпки он снимет с нее эту юбку. Нижняя юбка наверняка накрахмалена. Это предположение неожиданно так разгорячило его, что он, натянув поводья, двинулся за Эммой.

– К вашему сведению, женское образование я одобряю.

Она по-прежнему не останавливалась.

– Вы необычайно снисходительны, ваша светлость.

Грейдон тихо выругался.

– Ваша академия, – продолжал он, пытаясь обуздать свои непрошенные желания, – никого образования женщинам не дает.

Все-таки он сумел завладеть ее вниманием. Эмма обернулась и скрестила руки на груди.

– Что вы имеете в виду?

Ее грудь как раз поместится в его ладони.

– Поправьте меня, если я ошибаюсь, но...

– Я непременно сделаю это.

– ...но вы обучаете своих учениц этикету, разве не так? – Он не стал дожидаться ее ответа. – И танцам? Светской беседе? Умению одеваться?

– Да.

– Вот именно. Вы так же, как и я, хорошо понимаете, что вся эта чепуха нужна всего лишь для того, чтобы ваши воспитанницы смогли выйти замуж – и выйти удачно. Вы, мисс Эмма, платная сваха. А в менее светских кругах употребили бы иное определение.

Она так побледнела, что Грейдону стало не по себе. Он не хотел быть грубым, но в ее присутствии терял контроль над собой, сам не понимая, почему его возбуждает эта чопорная директриса. Сейчас она, вероятно, упадет в обморок, ожидая, что он ее подхватит, подумал Грей и в предвкушении сделал шаг ей навстречу.

Но вместо того чтобы лишиться чувств, Эмма рассмеялась. Да так, как никакая из его знакомых женщин не смеялась. Над ним.

– Значит, ваша светлость, если позволите возразить, вы не одобряете женщин, которым нужен муж, чтобы быть принятой в обществе, вопреки тому, что еще задолго до завоевания Англии норманнами⁶ общество диктовало именно это.

– Я...

– В то же самое время вы осуждаете меня за то, что моя профессия позволяет мне быть независимой от мужчин. – Эмма подошла ближе, глаза ее гневно горели. – Я думаю, ваша светлость, что все дело в том, что вы любите слушать только самого себя. Благодарение Богу, это не требует моего присутствия. Прощайте.

Грей вдруг заметил, что они уже подошли к академии. Эмма Гренвилл с такой силой захлопнула тяжелые чугунные ворота прямо перед его носом, что он еле успел сделать шаг назад. Через минуту она и ее лошадка скрылись за увитыми плющом стенами.

Вскочив в седло, Грей поехал обратно в Хаверли. Он не мог припомнить, чтобы кто-либо сумел так его отчитать, даже его мать, славившаяся своим острым язычком. Странно, но это его даже позабавило, хотя раздражение и возбуждение не прошли.

⁶ Норманнское завоевание датируется 1066 годом.

Теперь уж он определенно явится в четверг на спектакль. Пусть Эмма Гренвилл не рассчитывает, что от него можно так легко отделаться.

Глава 3

– У мужчин в жизни лишь одна-единственная функция, – ворчала Эмма. – Понятия не имею, как им удалось убедить всех в своем превосходстве в других областях, если своему появлению на свет они обязаны просто-напросто биологической случайности.

– Очевидно, твоя встреча с лордом Хаверли прошла не совсем удачно?

Эмма отошла от окна. Ах, если бы она могла одним взглядом спалить это поместье! Увы!

– Они хотят втрое увеличить арендную плату, – сказала она, садясь за письменный стол. Учительница французского тихо выругалась на своем языке.

– Изабель!

– Прошу прощения! Втрое? Но академия не может себе это позволить!

– Не может. И мы платить не будем.

Изабель положила экзаменационные листки на стол.

– А лорд Хаверли объяснил причину? Ведь они с графиней всегда поддерживали академию.

– Это не его инициатива, я в этом убедилась.

– Не понимаю. А кто же все это затеял?

– Кое-кто, кого ты, надеюсь, никогда не будешь иметь удовольствие узнать.

Изабель смотрит на нее так, словно опасается за ее рассудок, подумала Эмма.

Этот высокомерный лев просто невыносим. Она пыталась говорить с ним как с цивилизованным человеком, а у него был такой вид, будто он хотел наброситься на нее и съесть на завтрак. Эта мысль почему-то заставила Эмму покраснеть.

– Племянник лорда Хаверли. Великолепный герцог Уиклифф, – фыркнула она.

– Герцог? Герцог требует от нас большую плату?

Эмма стиснула руки.

– Ему это не удастся. – За те два года, что Эмма была директрисой, она научилась разговаривать с разгневанными родителями, влюбленными девушками и их поклонниками, справляться с инфлюэнцей и прочими многочисленными бедами, но никогда еще не была так раздосадована. – Знаешь, как он меня назвал? Платной свахой! Практически он обвинил меня в том, что я... я... поставщик живого товара!

– Что?!

– Да. Он, видимо, не представляет себе, чем мы занимаемся в академии. Придется его просветить на этот счет!

Эмма выдвинула ящик стола и достала несколько листов бумаги. Сложив их в аккуратную стопочку, она обмакнула перо в чернила.

– «Ваша светлость, – начала она писать, проговаривая текст вслух. – Из нашего с вами недавнего разговора мне стало ясно, что вы немного заблуждаетесь относительно программы Академии мисс Гренвилл».

Изабель, встав, собирала свои учебники и тетради.

– Я оставляю тебя наедине с твоей корреспонденцией, – сказала она с некоторой иронией.

– Ты напрасно смеешься. Я не потерплю оскорблений в адрес академии.

– Я смеюсь не над тобой, Эм. Мне только интересно: знает ли его светлость, что его ждет?

Эмма снова обмакнула перо, стараясь не обращать внимания на то, как ее сердце замерло от предчувствия, которое вызвали у нее слова француженки.

– О! Он об этом узнает. И очень скоро!

Услышав, что дверь в кабинет открылась, Грей поднял голову, но тут же снова занялся своими вычислениями.

– Ну, как Бейсингсток?

Тристан уселся напротив него.

– Скука смертная.

Уиклифф незаметно вздохнул с облегчением.

– Значит, ты не нашел там никого, с кем можно было бы провести время?

– Я начинаю думать, что эта девица – игра нашего воображения. В Гемпшире не так уж много мест, где она могла бы находиться. До собора в Винчестере слишком далеко, чтобы дойти пешком, так что, благодарение Богу, она вряд ли монахиня. Я бы спросил о ней у твоей тети, но, по-моему, леди Регина пишет письмо твоей матери. Знаешь, мне кажется, что вся ваша семья меня ненавидит.

– Знаю. Но не унывай, рано или поздно ты встретишься со своей таинственной незнакомкой. – Грейдон не был уверен, нравится ли ему мучить Тристана, или лучше никому не говорить о том, где найти Эмму Гренвилл. Так или иначе, его более длительное, чем он предполагал, пребывание в Хаверли уже не казалось ему невыносимым.

– Ты этим собираешься заниматься все время, что мы пробудем здесь? – спросил виконт, указывая на кипы бумаг, которые Грей потребовал у дяди.

– Возможно.

– Забавно. Мы могли бы остаться в Лондоне.

Грей стиснул зубы.

– Нет уж, благодарю.

Тристан взял со стола какой-то журнал, но с гримасой отвращения тут же положил его обратно.

– Тебе удалось сбежать от нее, и маловероятно, что ты снова с ней столкнешься.

Никто, кроме Тристана, не осмелился бы говорить с Уиклиффом о Кэролайн, но лучше бы он выбрал другую тему для разговора.

– Она хотела выйти за меня замуж, – процедил Грей сквозь зубы, – но – ради всего святого! – как можно было раздеваться в гардеробной на балу в «Олмэксе»?

– А представляешь, каково было мне? Я стал срочно искать шляпу, чтобы бежать.

– Если бы вошел кто-то другой, а не ты, эта проклятая женщина...

– ...была бы сейчас ее светлостью герцогиней Уиклифф. Но ведь она не единственная, кого ты видел голый, и не она одна мечтала тебя соблазнить, чтобы вынудить жениться.

– Не в этом дело. Я просто попал в ловушку, и все из-за пресловутого воспитания, которое эти девицы получают в пансионах. Их чуть ли не с рождения учат, как нас преследовать и прибирать к рукам. Так что спасибо быстрым лошадям и Хаверли.

– Я уверен, что не все они такие. У этой академии прекрасная репутация.

– В ней-то как раз и училась Кэролайн.

– Черт побери! Но из-за того, что ты пресыщен сверх меры и нет никакой надежды, что это у тебя пройдет, я не собираюсь стать монахом – даже на то время, что мы проведем в Гемпшире. Почему бы...

– Никаких женщин, – заявил Грей, потому что ему вдруг привиделись большие карие глаза. – Их и так здесь слишком много.

– Сходи посмотреть спектакль – по крайней мере отвлечешься. Может, тогда ты поймешь, что не все они легкомысленны и представляют собой надушенную лавандой ловушку.

– Какой спектакль? – с наигранным удивлением спросил Грей.

– Я точно не знаю, как называется пьеса, но представлять ее будут ученицы академии.

Грей откинулся на спинку стула, делая вид, что сдается. Возможно, все сложится гораздо удачнее, чем он ожидает.

– Если это тебе поможет и ты перестанешь ныть и жаловаться, я, вероятно, найду возможность посмотреть спектакль, – проворчал он.

– Вот и прекрасно! А то еще одна партия в вист с Элис – и я буду готов к монашеству.

– Но ты же можешь вернуться в Лондон, Трис. Я же тебя предупреждал, что в Гемпшире не так много развлечений.

Тристан вертел в руках овальное бронзовое пресс-папье.

– Просто я не люблю признавать, что ты иногда бываешь прав.

– Пора бы к этому привыкнуть, – усмехнулся Грейдон.

Дворецкий постучал в полуоткрытую дверь:

– Вам письмо, ваша светлость.

Немного удивившись, Грей велел Хоббсу войти.

– Интересно, кто знает, что я здесь?

– Может, это от твоей матери? – предположил Тристан.

– Надеюсь, что нет. Я еще не готов к тому, чтобы обнаружить себя. – Пожав плечами, он взял письмо с подноса и перевернул его, чтобы увидеть адрес отправителя.

– «Академия мисс Гренвилл»? – прочел Тристан, перегнувшись через стол. – Помилуй, кого ты там знаешь?

Теперь Грейдон понял, кто написал это письмо. Он с трудом подавил улыбку, но его сердце учащенно забилося.

– О, я пытаюсь уладить за дядю Денниса спор об арендной плате. – Сломав простую восковую печать, он вскрыл послание. – Это, по всей вероятности, ответ директрисы на мой запрос.

– Граф поручил тебе вести дела со школой для девочек? – скептически ухмыльнулся Тристан. – Именно с этой школой?

– Думаю, у меня достаточно опыта.

Тристан умолк, глядя, как Грей разворачивает письмо, написанное убористым почерком на трех страницах.

– Вот это ответ!

– Спор об арендной плате? Так я и поверила! – В комнате появилась Элис. На ее губах блуждала лукавая улыбка. – Я тебя раскусила, Уиклифф. Ты привез всех нас сюда, чтобы завести платоническую интрижку с какой-нибудь хорошенькой воспитанницей академии. – Она выхватила письмо из рук Грейдона, не дав ему прочесть ни слова. – Сейчас посмотрим.

В Лондоне она никогда не позволила бы себе такую выходку. Отчаяние, вызванное поведением Грея, видимо, взяло верх над ее весьма ограниченным запасом благоразумия.

– Мисс Босуэлл. – От гнева голос Грея прозвучал на пол-октавы ниже. – Я не припоминаю, что просил вас читать мою частную переписку. Если вам необходимо развлечься – в вашем распоряжении библиотека, где имеется множество книг, в том числе прекрасной поэзии.

– Просто мне скучно, Грей, – заныла Элис, но письмо отдала.

– По-моему, герцог реагирует слишком болезненно, – вкрадчивым голосом произнесла появившаяся на пороге Сильвия. – Ты не находишь, кузен?

Грейдон мысленно выругался: вслед за Сильвией в кабинет вошел Бламтон. Все они, включая Тристана, внимательно смотрели на него. Черт, как назло, ведь он хотел прочитать это проклятое письмо без свидетелей. Вздохнув, Грей сложил листки и небрежно бросил их на стол, поверх бухгалтерских книг.

– Смотреть на вас противно. – Потянувшись, он встал. – Я иду на рыбалку. Кто со мной?

– Рыбалка? Отлично! А, Сильвия? – Бламтон сжал руку Сильвии.

– Тебе придется быть моим учителем, Грей. – Элис снова была само очарование. – Я слышала, что виконтесса Лидс часто ловит рыбу. Она говорит, что это элегантный вид спорта.

– Я ничего не знаю о... – хмуро начал Бламтон.

– «Ваша светлость, – медленно начал Тристан, прервав Чарлза. – Из нашего недавнего разговора мне стало ясно, что вы немного заблуждаетесь относительно программы Академии мисс Гренвилл. Мне доставит удовольствие развеять ваши заблуждения».

Грейдон замер, проклиная в душе Тристана Кэрроуэя и всех его предков до пятого колена. Письмо наверняка будет оскорбительным, и именно поэтому он хотел прочесть его наедине, чтобы никто ему не мешал.

– Довольно, Тристан, – грозно отчеканил он.

– Как интересно, – заявила Сильвия, садясь в кресло. – Пожалуйста, продолжайте, лорд Дэр.

Тристан откашлялся и, мельком взглянув на Грея, снова вернулся к письму. Любовь к пикантным ситуациям явно перевесила его естественную озабоченность тем, что он может поплатиться за непослушание.

– «Вы были правы, утверждая, что академия учит тому, что принято называть добродетелями: элегантности, скромности, хорошим манерам, вежливости, умению одеваться и следить за модой. Благовоспитанная леди должна обладать всеми этими качествами, и поэтому было бы неразумно не включать их в нашу программу».

– Держу пари, мисс Гренвилл – старая дева, – заявила Элис.

– По всей видимости, – промямлил Грей. – Трис...

– Дальше еще интереснее. «Насколько мне помнится, вы полагаете, что единственная задача академии – готовить жен». Она трижды подчеркнула слово «жен», – пояснил Тристан.

– Прекрасно сказано, Уиклифф! – воскликнул Бламтон.

– Помолчи!

– «Цель нашей академии, которой руководила моя тетя, а теперь руковожу я, – выпускать из своих стен образованных женщин». Здесь, между прочим, тоже есть подчеркивания. «Поэтому дополнительно к «добродетелям» у нас преподают литературу, математику, иностранные языки, политологию, историю, музыку и прикладные виды искусства, о чем я подробно пишу ниже».

– Господи, – содрогнувшись, пробормотала Элис. – Какой ужас!

Тристан пробежал глазами оставшиеся листки.

– Дальше описывается полная программа. – Он посмотрел на Грейдона. – Но я этого читать не буду.

– И на том спасибо, – буркнул Грей.

– Хотя... в конце есть приписка. «Таким образом, ваша светлость, вы видите, что я стараюсь дать своим ученицам полное, законченное образование. Ваше поведение, однако, свидетельствует о серьезных пробелах именно в области «добродетелей». Если позволите, я могу порекомендовать вам несколько книг о скромности и хороших манерах, которые вы могли бы прочитать на досуге. Искренне обеспокоенная мисс Эмма Гренвилл».

Непродолжительное молчание было прервано смехом леди Сильвии:

– Бедняжка Грей. Тебе не удалось произвести впечатление на директрису школы для девочек.

– Ну, это еще неизвестно. Она пишет только, что искренне обеспокоена. – Тристан положил письмо на стол.

Пусть повеселятся, решил Грей; на самом деле он почти не слышал, что они говорили, с удовольствием представляя себе, как заставит замолчать кареглазую крошку. Мисс Эмма Гренвилл, по-видимому, не имеет ни малейшего представления о том, с кем имеет дело. Но очень скоро она это поймет.

Элизабет Ньюкомб упала на пустую бочку из-под виски, которая должна была изображать фонтан в центре славного города Вероны.

– «Чума возьми семейства ваши оба!» – прохрипела она, хватаясь за бок.

Поправив подложенные под платье подушки, делавшие ее более толстой – ведь она играла кормилицу, Эмма улыбнулась. Застенчивостью Элизабет не отличалась. Через год-другой ей придется серьезно поработать, чтобы перестать дурачиться и научиться вести себя в обществе. Эмма давно уже готовила девочку к взрослой жизни, но в то же время ей хотелось, чтобы Лиззи сохранила свою очаровательную непосредственность.

– Мисс Эмма, – крикнул раненый Меркуцио, выпрямляясь, – можно мне использовать ягодный сок, чтобы было похоже на настоящую кровь?

– Ой, если ты это сделаешь, я упаду в обморок, – воскликнула Мэри Могри, заранее побледнев.

– Нет, нельзя. – Эмма вышла из-за кулис на сцену. – Кровь символизирует этот красный шарф. Вы все сделали прекрасные костюмы, и я не хочу, чтобы они были испорчены, даже ради большей достоверности. А теперь давайте продолжим. Это последняя репетиция, генеральная. Через шесть часов у нас дебют.

Эмма снова ушла за кулисы. Элизабет (она же Меркуцио) скончалась от смертельной раны, а Ромео и Тибальт начали свой роковой поединок. Несмотря на постоянные угрозы лишиться чувств, стеснительная Мэри так хорошо справлялась с ролью Ромео, что Эмме хотелось ей аплодировать. Родители Мэри будут удивлены перемене в характере девочки, увидев свою «мямлю», как они слишком часто называли дочь, в таком героическом амплуа.

– Эм, – шепнула Изабель, пробираясь через костюмерную и размахивая письмом. – Помоему, тебе пришел ответ.

Наконец-то! Эмма ждала этой минуты весь день. Неожиданно охвативший ее трепет никак не был связан с предстоящим спектаклем. Она и сама не знала, что заставило ее написать Уиклиффу, который – это было ясно – ни в грош не ставит ее академию. Но все же написала, а потом почти не спала ночь.

Эмма, взяв у француженки письмо, поспешно вскрыла его. При виде решительного мужского почерка она почувствовала, как сердце ее замерло – но лишь на мгновение, пока не начала читать.

– «Мадам, я получил ваше пространное послание». – Эмма, дрожа от гнева, потрясла листком перед лицом Изабель. – Он пишет, что мое письмо было пространным!

– Тише, дорогая. Ты забыла про репетицию.

Эмма поспешно умолкла и стала читать дальше про себя:

«Хотя одно или два замечания были довольно интересны, его содержание не имеет отношения к проблеме, о которой лорд Хаверли беседовал с вами. Я прилагаю к своему ответу соглашение, чтобы вы могли подписать его, и заберу документ сегодня вечером после спектакля, который собираюсь посетить вместе с друзьями». В конце письма не было длинного списка титулов, а стояло всего одно слово – «Уиклифф».

Эмма побледнела. Он явится в академию, чтобы посмотреть спектакль!

– Тебе плохо? – Изабель, схватив ее за локоть, усадила на стул.

– Нет, все в порядке.

Она, конечно, ничего не скажет своим ученицам. Если они узнают, что посмотреть их игру придет герцог, то обязательно растеряются и не смогут сосредоточиться на пьесе.

Возможно, он потому и предупредил о своем визите, чтобы девочки занервничали и плохо сыграли. Первым побуждением Эммы было разорвать письмо на мелкие клочки, а потом сжечь. И хотя это доставило бы ей огромное удовольствие, но не решило бы ни одной из проблем.

– Изабель, сэр Джон будет сегодня присутствовать на представлении?

– Да. Он сказал, что придет пораньше, чтобы помочь Тобиасу укрепить балкон Джульетты и лестницу.

– Отлично.

Сэр Джон жил в Бейсингстоке и был адвокатом Эммы. Она посоветуется с ним: ведь он всегда был в курсе дел академии. Сложив письмо и соглашение, она засунула их под фартук. Герцог Уиклифф, очевидно, думает, что ему удастся, запугав ее, заставить подписать соглашение, но она не сдастся без борьбы... или даже войны.

Смех на сцене привлек ее внимание. Леди Джейн состроила гримасу и громко произнесла:

– «Какие вести, няня?»

Эмма вскочила и заковыляла на сцену. Этот чертов Уиклифф пусть даже не пытается вмешаться в дела академии!

– «Убит, убит, родимая, убит,
Убит болезный, отдал Богу душу!»

Когда она с ним разделается, он и сам будет рад умереть, злорадно подумала Эмма.

Глава 4

Академия мисс Гренвилл больше напоминала крепость, чем школу для девочек. Лорд и леди Хаверли с гостями прошли из конца в конец длинное здание и вышли к помещению театра, перестроенному из церкви. В конце каждого коридора и на лестничных площадках стояли рослые, крепкие женщины, очевидно, для того, чтобы ни один мужчина, ненароком заблудившись, не оказался поблизости от спален и не помешал бы процессу превращения девушек в невест.

А может быть, мисс Эмма боялась, что Грей намерен собрать арендную плату прямо с воспитанниц, вывернув их карманы. Если бы она знала, что он вовсе не жаждет встреч с этими девицами, то избрала бы другую тактику защиты – велела бы им попытаться соблазнить его.

– Мне и в голову не могло прийти, что это пансион для бабушек, – пробормотал Тристан, когда они миновали очередного седовласого часового в юбке. – Я в высшей степени разочарован.

– Совершенно не понимаю, зачем мы приехали, Грей, – надула губы Элис. – В Лондоне мы могли сейчас быть в опере в обществе принца Джорджа!

– Я знаю зачем, – вкрадчиво сказала леди Сильвия. – Со вчерашнего вечера, после того как наш герцог получил письмо от директрисы этой школы, он мечтает ее задушить.

Сильвия была права. Грейдон действительно хотел увидеть мисс Эмму и узнать, как она восприняла его ответ. Душить он, правда, не собирался, но вот дотронуться до нее, причем предварительно раздев ее, было бы желательно.

– Даже если это и так, – проворчал замыкавший шествие Бламтон, – смотреть, как компания школьников представляет Шекспира? Эдмунд Кин⁷ сейчас в Лондоне играет «Гамлета». Я видел его уже дважды – он великолепен! Разве можно сравнить его игру с тем оскорблением, которое нанесут эти девицы великому Барду.

– Я не согласен с вами, – сказал дядя Деннис, примирительно улыбнувшись. – В прошлом году их постановка «Как вам это понравится» имела большой успех.

– Возможно, для Гемпшира это было и неплохо.

Элис прижалась к руке Грея грудью.

– Ты что-то сегодня тихий, – заметила она.

– Просто осматриваюсь.

На самом деле он был несколько озадачен. В его представлении в школе для девочек на окнах должны были висеть кружевные занавески. Хотя в общих комнатах на диванах и стульях лежали вышитые накидки, покрывала и салфетки, это были единственные чисто женские атрибуты. И что самое удивительное – нигде не было видно толп девушек, готовых глазеть, хихикать и флиртовать с мужчиной, который попался бы им на пути.

– Лорд Хаверли, леди Хаверли, добрый вечер, – раздался женский голос из глубины плохо освещенного коридора.

Грей вспыхнул было, но тут же успокоился, увидев молодую темноволосую женщину.

– Мисс Сантер, – отозвалась его тетя Регина с теплотой, которая, как всегда казалось Грею, была ей несвойственна. – Добрый вечер.

– Я рада, что вы и ваши гости смогли приехать, – продолжала мисс Сантер с легким французским акцентом.

– Мы тоже очень рады.

– Мисс Эмма сама вышла бы вас поприветствовать, но ученицы уговорили ее тоже участвовать в спектакле.

⁷ Английский актер (1787–1833), прославившийся исполнением ролей в пьесах У. Шекспира.

– Кого же она будет играть? – поинтересовался Тристан.
– Кормилицу, – улыбнулась Изабель. – Разрешите проводить вас на ваши места.
– Мне надо сегодня вечером поговорить с мисс Эммой, – сказал Грей, следуя за французской женщиной. Элис шла рядом, решительно не желая отпускать его руку.
– Я передам ей вашу просьбу, но она будет сегодня очень занята.
– Тебя избегают, Уиклифф, – подсказал Чарлз. – Мне это знакомо.
– Мы в этом не сомневаемся. – Тристан многозначительно посмотрел на Сильвию. Она ответила ему лукавой улыбкой.

При упоминании имени Уиклиффа француженка мельком взглянула на него, но потом ее лицо приняло прежнее безмятежное выражение. Тем не менее Грей это заметил. Наверняка в академии о нем сплетничали. Женщины всегда находят о чем посплетничать. Ну что ж, пусть. Ему ни до кого из них нет дела – за одним лишь исключением.

Грею определенно хотелось иметь дело с мисс Эммой Гренвилл, причем настолько, что он активно и довольно старательно избегал Элис. Грей даже в последние дни стал запирает от нее на ночь дверь своей спальни, хотя ему совершенно не нравилось – ни при каких обстоятельствах – вести монашеский образ жизни.

Когда мисс Сантер указала им места в последнем ряду, Грей ничуть не усомнился, что это место со стороны директрисы. Однако ни граф, ни графиня, казалось, нисколько не были удивлены и приняли это без всяких возражений.

– Согласен, этикет немного нарушен, – пояснил дядя Деннис, перехватив недоумевающий взгляд, который Бламтон бросил на француженку, – но я всегда настаиваю на том, чтобы сидеть в последнем ряду, иначе девочки будут смущаться.

– Как великодушно с вашей стороны, лорд Хаверли, – сказала леди Сильвия, усаживаясь рядом.

Остальные скамьи были заняты жителями Бейсингстока и его окрестностей. Судя по одежде, среди публики было несколько дворян (скорее всего владельцев соседних поместий, решивших отказаться от лондонского сезона). Это немного приободрило Элис, которая демонстративно расположилась рядом с Грейдоном.

Несколько девочек в простых темных платьях появились в зале и одну за другой потушили свечи в стенных нишах. Перегнувшись через Элис, Тристан обратился к Грею:

– Я что-то не вижу ту крошку, которую мы встретили на дороге. Мне кажется, она должна здесь быть.

– Может, увидишь позже, – ответил ему Грей шепотом, потому что зал уже затих. – Помолчи. Видишь, занавес открывается.

– Слушаюсь, ваша светлость. – Виконт выпрямился и иронически отсалютовал Грею.

В отличие от аудитории лондонского театра здешняя публика казалась искренне заинтересованной. Хотя многие обернулись, когда в зале появились гости из Хаверли, но как только раздвинулся занавес, единственное, что было видно, – это затылки впередисидящих. Грей устроился поудобнее на жесткой дубовой скамье и приготовился смотреть.

Главные роли, судя по всему, исполняли старшие воспитанницы, но в сцене ссоры Монтекки и Капулетти на сцену, с энтузиазмом размахивая бутафорскими мечами, высыпала толпа девочек помладше.

– Боже, какие свирепые, – прошептал Тристан. – Просто ужас берет.

Когда Монтекки наконец удалились, на сцене появились леди Капулетти и кормилица. Грей встрепнулся. Вот она! Прошло целых два дня с тех пор, как они виделись, но, даже сидя в самом конце зала, в последнем ряду, он тщетно пытался подавить в себе желание обладать ею.

– Это и есть твой непримиримый враг? – хихикнул Тристан.

– Эта седая толстая летучая мышь? – Элис толкнула Грею в бок. – Ей на вид не меньше девяноста лет.

– Замолчите. Дайте посмотреть.

Он был доволен: Тристан и не подозревает, кого высмеивает. А Грей сразу узнал ее, несмотря на седой парик, подложенные подушки и простонародный говор.

– «Джувлетта, где ты? Что за непоседа! – прокричала она, и Грей, пользуясь темнотой зала, усмехнулся. – Куда девалась ярочка моя?»

Джувлетта, прелестная молодая девушка с длинными черными волосами, выбежала на сцену:

– «Ну что еще?»

– «Тебя зовет мамаша».

– «Я здесь. Что, матушка, угодно вам?»

– Вот это уже гораздо лучше, – удовлетворенно пробормотал виконт.

В одном из передних рядов стройный молодой человек вскочил с места и начал аплодировать. Он продолжал хлопать, пока девушка, играющая Джувлетту, зардевшись, не посмотрела на него. Только тогда, не обращая внимания на недовольные взгляды публики, он медленно опустился на скамью.

– Ты, видимо, не единственный поклонник Джувлетты, – шепнул Грей.

Наклонившись к Сильвии и Бламтону, дядя Деннис тихо сказал:

– Это Фредди Мейберн. Он уже год преследует леди Джейн.

– Бедняга, – откликнулся Грей, не спуская глаз с Эммы.

Больше никто не прерывал хода пьесы. Девушки отлично справились со своими ролями, и по окончании спектакля публика – Грей в том числе – долго аплодировала им стоя. Занавес то и дело раздвигался, и молодые актрисы, сияя, вновь и вновь кланялись.

– Вот видите, Бламтон? – с гордостью произнес граф Хаверли. – Они сыграли блестяще. Bravo! Bravo!

– Да, довольно сносно, – пришлось признаться Бламтону.

– Этот крошка Меркуцио мог бы дать сто очков вперед Эдмунду Кину, – смеясь, заявил Тристан, когда занавес в очередной раз закрылся.

– Может быть, пойдем? – Элис, накинув на плечи шаль, стала пробираться вдоль скамей вслед за лордом Дэром. – Я не хочу, чтобы меня приветствовала половина гемпширских фермеров.

С этим Грей был согласен. Спектакль окончился, и теперь они оказались в центре внимания публики. Слава богу, здесь хоть не было молодых девиц на выданье, которые непременно забросали бы его платочками с монограммами. Тогда он чувствовал бы себя так, будто снова очутился в Лондоне в окружении толпы незамужних женщин.

И зачем только он приехал в эту школу? Но сожалеть об этом было поздно. Совершенно очевидно, что непрощеное влечение, которое он испытывает к этой проклятой директрисе, туманит ему мозги.

– Да, конечно. Мы уходим... – Уиклифф запнулся, увидев впереди округлую фигуру, пробирающуюся к ним сквозь восхищенную толпу. – Минуточку.

– Грей, неужели тебе обязательно надо сейчас разговаривать с этой старой ведьмой? – Элис недовольно надула губы.

– Да. – Он сделал несколько шагов навстречу. – Мисс Эмма.

– Ваша светлость.

Несмотря на немалое количество подложенных подушек, реверанс ее был столь грациозен, что у Грея прямо-таки руки зачесались от желания освободить ее от этого костюма. Но он одернул себя. Он подождет. Сначала уладит вопрос об этой чертовой арендной плате.

– Вы не...

– Прошу вас извинить меня, ваша светлость, – прервала она его и повернулась к графу, – но по традиции лорд и леди Хаверли после спектакля присоединяются к нашей труппе, чтобы

поучаствовать в небольшом празднике – только эль и пирожные. Я хотела пригласить и ваших гостей.

– С удовольствием, – ответил граф. – Встретимся в столовой.

– Вот не повезло, – буркнула Элис и, прощаясь, протянула ему руку.

Но Грей взял ее ладонь и сунул под локоть изумленному Тристану, а сам поспешил за директрисой, прежде чем она скроется в толпе. Догнав Эмму, он спросил:

– Полагаю, вы получили мое письмо?

Она остановилась и, бросив на него взгляд через плечо, ответила:

– Да, получила. Оно было удивительно грубым.

– Я всего-навсего продолжил традицию, начатую вами, – дружелюбно парировал он.

– Но оно не было груб...

– Ах, мисс Эмма! – Высокая и такая же круглая, как директриса в своем сценическом костюме, дама схватила Эмму за обе руки. – Я чуть было не лишилась чувств, когда Джульетта проснулась и стала звать Ромео, а он уже лежал мертвый. Эта пьеса еще лучше той, что вы играли в прошлом году.

– Спасибо, миссис Джонс. Очень рада, что вы смогли выбрать время, чтобы посмотреть наш спектакль. Я вижу, что сегодня приехал и мистер Джонс.

– Он сказал, что наверняка это будет чепуха, – хихикнула дама, – но я заметила, как он смахнул слезу, когда пьеса кончилась. – Наклонившись к Эмме, она прошептала: – Но, конечно, никогда в этом не признается.

– Это будет наш с вами секрет. А теперь прошу меня извинить. – Подтянув подушки, Эмма зашагала прочь.

Но Грей не мог позволить ей ускользнуть.

– Родителям вряд ли понравится, что вы превратили их благовоспитанных дочерей в актрис.

– А мы и не ставили перед собой такую цель, хотя вы скорее всего этого не поймете.

Она прошла по длинному коридору, повернула за угол, поднялась на один этаж по лестнице и вошла в небольшой кабинет. Грейдон, следуя за ней, внезапно подумал: а не ведет ли она его в какую-нибудь ловушку? У окна кабинета стоял высокий джентльмен с седыми висками и смотрел в сторону Хаверли.

– Ваша светлость, это сэр Джон Блейкли, мой поверенный, – представила его Эмма. – Сэр Джон – его светлость герцог Уиклифф.

– Ваша светлость. – Сэр Джон протянул Грею руку. – Приятно с вами познакомиться.

Грей ответил на рукопожатие, не спуская взгляда с директрисы.

– Зачем вы знакомите меня со своим поверенным?

– Затем, что я подумала, что вы, возможно, прислушаетесь к мнению юриста. Сэр Джон объяснит вам, что вы не можете заставить меня что-то сделать. Насколько я поняла, мои слова не произвели на вас должного впечатления.

– Извините, но...

Он запнулся, потому что она сняла парик и бросила его на письменный стол. Шелковистые каштановые волосы каскадом упали ей на плечи.

– Но что? – Она подняла на него глаза.

Грей попытался сосредоточить свое внимание на разговоре с поверенным.

– Мой дядя попросил меня внести некоторые изменения в управление поместьем. Повышение арендной платы – лишь одно из них.

– А у вас имеется разрешение лорда Хаверли вести дела от его имени, ваша светлость?

Эмма ушла в соседнюю комнату и вернулась с тазом с водой. Намочив губку, она стала смывать с лица грим. Из-под серо-коричневой краски стала постепенно появляться мягкая,

нежная матовая кожа. Как правило, у Грея не возникало трудностей, когда надо было сочетать дела с удовольствиями, но мисс Эмма Гренвилл все время его отвлекала.

– Я могу представить его в письменном виде, если вы это имеете в виду.

– Это облегчило бы задачу. Разумеется, документ должен быть заверен нотариусом.

Директриса завела руки за спину – наверное, для того, чтобы развязать тесемки, на которых держалась ее широкая юбка. Как бы Грейдону ни хотелось это вообразить, он подумал, что она вряд ли собирается раздеваться догола в присутствии двоих мужчин.

– Очень хорошо. Прошу вас дать мне адрес ближайшего нотариуса.

– Вот это-то и затруднительно. В настоящее время я единственный нотариус в Бейсингстоке и одновременно являюсь поверенным в делах Академии мисс Гренвилл. Как вы понимаете, это конфликт интересов и...

– Давайте я вам помогу, – прервал его Грей и быстро сократил расстояние между собой и директрисой. Та успела лишь пискнуть, а он уже развязал все четыре тесемки на ее спине. Стянув тяжелое платье с ее плеч и рук, он позволил ему соскользнуть с ее бедер и упасть на пол. Волосы Эммы пахли лимоном и медом, и Грейдона вдруг охватило безумное желание запустить пальцы в эти блестящие каштановые завитки.

Но прежде чем он успел поддаться этому импульсу, Эмма быстро отошла в сторону.

– Поэтому, ваша светлость, – запинаясь и краснея, отчего стала еще более хорошенькой, сказала она, – вам придется поехать в Лондон или еще куда-нибудь, чтобы найти нотариуса.

– У меня и так их несколько, – нахмурился Грей. – И мне не нужен заверенный нотариусом документ. Все, что нужно, – это чтобы мой дядя повторил свою просьбу при свидетелях. – Он в упор посмотрел на поверенного: – Разве не так, сэр Джон?

– Да.

– А когда это произойдет, дело вернется в ту же стадию, в которой находится сейчас, с той разницей, что у вас, мисс Эмма, не будет юридических оснований не платить за аренду.

– Я не так в этом уверена, как вы, и собираюсь попросить сэра Джона составить черновик петиции в парламент с целью объявить здание академии историческим. В этом случае мы получим право на льготы по оплате...

– Ах вы, маленькая...

– Ваша светлость! – оборвал его поверенный.

– Значит, вы предпочитаете, чтобы Хаверли пошло с молотка, лишь бы не платить лишний шиллинг! – вскричал Уиклифф, сжав кулаки. Еще никогда никому не удавалось его перехитрить. И уж, конечно, не этой крошке директрисе. – Лишь бы не закрывать ваш никому не нужный кукольный домик.

– Вы богаты. Почему бы вам не решить проблему поместья за счет собственных средств? А мы не кукольный домик, а учебное заведение – вы немного неточно выразились.

– Неточно? Да я еще и не так...

– Конечно, ничуть не сомневаюсь.

Женщины никогда ему не возражали. Они вздыхали и соглашались, хихикали и мололи всякую чепуху, пока у него не начинала раскалываться голова. Но сегодняшний спор был таким... таким бодрящим.

– А какое название вас устроило бы? Вы отказываетесь платить ренту, а сами все время только тем и заняты, что играете в ряженных и высматриваете богатых мужей для своих так называемых учениц.

Эмма порывисто шагнула к Уиклиффу. Она была так разъярена, что готова была вцепиться в него.

– Вовсе не это задача академии. Я не позволю вам оскорблять молодых леди, которые усердно учатся, чтобы...

– ...чтобы научиться вести разговор о погоде? – предположил Грей, скрестив на груди руки. – Чему полезному вы можете их научить? Назовите хоть что-нибудь.

– А вы-то сами что умеете, кроме того, чтобы орать и всем приказывать? А? Кто вас брил сегодня утром, ваша светлость?

– Я бреюсь сам, мисс Эмма.

– Молодец! А сколько человек помогало вам одеться, исключая слугу, который чистит вам сапоги?

Грей прищурился.

– Мне казалось, что мы обсуждаем бесполезность вашей школы, поэтому этот пристальный интерес к моему утреннему туалету неуместен.

– Ваша св...

– Помолчите, – оборвал поверенного Грей, даже не посмотрев в его сторону.

– Мне нет до вас никакого дела. Просто я констатирую факты.

Грейдона не столько раздражало то, что он не производит на нее должного впечатления, сколько ее упорство в вопросах, касающихся права женщин на образование.

– И чему же такому вы способны научить этих девушек, чего они не смогут узнать, проведя в Лондоне две недели? Все, что вы им даете, – это печать респектабельности, которую они используют в дальнейшем, чтобы соблазнять мужчин.

– Ваша светлость, должен вас предупредить... – вмешался поверенный.

– Уходите, – рыкнул Грей.

– Я не позв...

– Прошу вас, сэр Джон, – неожиданно сказала Эмма, – я способна сама отстоять свою точку зрения. – К удивлению Грея, она выпроводила поверенного из кабинета.

– Закройте дверь.

– Я именно это и собираюсь сделать, – ответила она. – Вам ведь не хочется, чтобы кто-нибудь услышал, какую вы мелете ерунду, правда?

Несмотря на решительный вид и смелые слова, Эмма была очень бледна. Если бы не гнев, сверкавший в ее взгляде, Грей перестал бы на нее нападать. Как правило, когда его оппонент падал духом, это служило сигналом того, что его пора добивать.

– Мы обсуждали разницу между выпускницами пансиона для благородных девиц и... актрисами, назовем их так.

– Почему бы вам не высказаться более откровенно? Я нахожу косвенные намеки утомительными и считаю, что они удел не очень умных людей.

Так, значит. Теперь он уже полудурок. Уиклифф шагнул ей навстречу.

– Тогда я назову их проститутками, – отчеканил он.

– Ха. – И хотя краска залила ей щеки, она стояла на своем. – Вы снова попали впросак. Судя по всему, ваша светлость, в вашем окружении недостаточно людей, которые могли бы подсказать вам, что вы не всегда поступаете разумно.

Грей не мог припомнить, чтобы его когда-нибудь так откровенно оскорбляли. Ярость вспыхнула в нем, словно искра, но лишь на мгновение, уступив еще более жаркому чувству, захлестнувшему его с головой. Боже, как он ее желал!

– Прошу пояснить, – процедил он сквозь зубы. Понимает ли она, в какой находится опасности?

– С удовольствием. Вы утверждаете, что единственная цель академии – это готовить жен для таких, как вы и вам подобных. Если быть откровенной, мужчины вашего круга на проститутках не женятся. Отсюда следует, что моя школа их не готовит.

– И благоухающий цветок, и тот, что гниет на помойке, все равно остается цветком.

– Мне жаль, что вы не можете отличить один от другого. И вонючее болото, и плодородное поле суть грязь, и все же я думаю, что вы не поставите здесь знака равенства, потому что, как землевладелец, найдете в них больше различий, чем сходства.

– А женщина? Она что, отличит грязь от навоза? Разве что по запаху.

Эмма сморщила нос. Он не понял, относилось ли это к нему или к его сравнению.

– Безусловно скорее, чем вы – проститутку от леди.

Грей внимательно посмотрел на нее. Его желание не пропало, но одновременно он негодовал оттого, что эта крошка смеет думать, будто может помериться силами с герцогом Уиклиффом. Впрочем, пока у нее это неплохо получалось.

– Хотите пари? – неожиданно спросил он.

– Что?

– Пари. – Он докажет, что эта самоуверенная девица не имеет ни малейшего представления о том, что говорит. – Я предлагаю вам пари, мисс Эмма.

– Пари? – Она посмотрела на него с подозрением.

– На арендную плату. – Чем больше он об этом думал, тем превосходнее казалась ему его идея. Раз она уверена, что знает ответ на все вопросы, пусть докажет это на деле. – Если вы проиграете, то будете вносить повышенную ренту. И не стоит больше спорить.

– Вы с ума сошли! Какое пари? У меня есть дела поважнее, чем нюхать навоз.

– Нет, – покачал он головой. – Я предлагаю нечто гораздо более серьезное.

Надо оформить все официально, чтобы не дать ей улизнуть, прежде чем он выскажет свое предложение. Грей открыл дверь:

– Вы... сэр Джон. Зайдите.

Поверенный чуть не упал на него: очевидно, стоя под дверью, он подслушивал. Что ж, тем лучше: не придется долго объяснять, о чем пойдет речь.

– Что вы задумали, ваша светлость? – Щеки Эммы все еще горели.

– Садитесь и записывайте, – приказал Грей сэру Джону.

– Прекратите приказывать моему поверен...

– Простите, – раздался с порога голос Тристана, – но, по-моему, нас не представили.

Не обращая внимания на появившихся в дверях гостей графа Хаверли, Грей подтолкнул сэра Джона к письменному столу.

– Хорошо, что вы все собрались. Мы заключаем пари.

– Ничего подобного! Никакого пари мы не заключаем!

Грей саркастически поднял одну бровь.

– Почему? Потому что вы не можете отстоять свою абсурдную точку зрения? Что претендуете на превосходство женщин?

– Не превосходство. – Немного поколебавшись, Эмма нашла нужное слово: – Равенство.

– Извини, Грей, – как всегда вкрадчиво, сказала леди Сильвия, – а чье именно равенство мы обсуждаем?

– Очевидно, мисс Эммы и мое. – Он был доволен: его план близок к осуществлению.

– Странно! – хихикнула Элис, прикрывшись веером. – Всем известно, что герцог выше по положению, чем директриса школы.

Выражение невинности на ее лице показалось Грею просто смешным. Он не понимал, почему Эмма упорствует. Неужели она надеется, что ей удастся его одурачить?

– Я имела в виду не это равенство, – отрезала Эмма. Она была так взбешена, что забыла о вежливости, которой обучала своих воспитанниц. – Равенство в мышлении!

Ловушка захлопнулась.

– Докажите. – Грей встал напротив Эммы, не сводя с нее глаз.

– Каким образом?

– Я уже упоминал, что пытаюсь найти более эффективный способ управления поместьем Хаверли, и предлагаю вам придумать, как сделать это лучше меня.

– Надо составить план, – немного неуверенно сказала Эмма.

Если он сейчас же не заставит ее согласиться, она поймет, что он просто-напросто ее запугивает, загоняет в угол, и тогда снова попытается уйти от ответа.

– Если у вас это получится, я до конца своих дней буду вносить за академию арендную плату.

Эмма крепко сжала губы, и Грейдону тут же захотелось их поцеловать.

– Ладно, – медленно ответила она, – правда, не совсем понятно, почему только я должна что-то доказывать. В том случае, если мой план окажется лучше вашего, вам придется признать, что я умнее вас.

– Дева Мария, – выдохнул граф Хаверли, а Тристан торжествующе усмехнулся.

Одно дело было принимать его вызов, но совсем другое – при этом его оскорблять.

– Я уверен, что вам не удастся составить план, который был бы лучше моего.

– Ошибаетесь, ваша светлость.

– И что вы предлагаете сделать мне?

– Так случилось, – поразмыслив, начала Эмма, – что я каждый год несу персональную ответственность за небольшую группу воспитанниц. Занятия нынешнего класса посвящены социальным добродетелям. У вас, по-видимому, весьма определенные взгляды на то, что является залогом успеха молодой леди в лондонском обществе, не так ли?

– И что же?

– Предлагаю вам передать свой опыт моим ученицам. Например, как следует себя вести на балу, тем более что эту тему мы начинаем изучать со следующего понедельника.

– Простите, что я вмешиваюсь, – запинаясь, сказал Тристан, – но не кажется ли вам, что это похоже на то, когда лисе доверяют курятник?

Эмма зарделась.

– Его светлость будет находиться под постоянным контролем кого-либо из наших педагогов.

Нет, это несерьезно! Обучать школьников?

– Если вы отказываетесь, – заявила она, заметив, что Грейдон колеблется, – я буду считать себя свободной от уплаты вашей немислимой ренты.

Проклятие, ей удалось-таки повысить ставки!

– И кто же будет арбитром в нашем споре?

– Полагаю, что мой план будете оценивать вы и ваши друзья-мужчины. – Эмма кивнула в сторону компании гостей. – И считаю, что будет честно, если сами ученицы оценят ваши способности в качестве учителя – по сравнению с моими.

– Школьницы? – проворковала Сильвия, а Элис подавила приступ смеха. – Ты легко справишься, Грей, – очаруй их, и они проголосуют за тебя.

– У моих учениц больше здравого смысла, чем вы думаете, уверяю вас.

– А если вы проиграете – когда вы проиграете, – то внесете повышенную арендную плату... за последние два года.

У Эммы был такой вид, словно она не могла решить, сердиться ли ей, плакать или смеяться.

– Тогда и вам должно быть назначено дополнительное наказание.

– Мы это уже обсуждали. Если проиграю я, то буду ежегодно платить за академию.

– Нет, – покачала головой Эмма, – этого недостаточно.

Черт, она не только не отступила, а еще и торгуется!

– И каковы ваши условия?

– Если вы проиграете, ваша светлость, вам придется основать специальный фонд и полностью оплачивать курс обучения трех девушек в течение всего срока их пребывания в академии.

Эта чертова директриса сознательно желает унижить его. Всем известно, как он относится к пансионам для благородных девиц, а в особенности к этому. Выходит, она хочет, чтобы он не только платил за нее ренту, но еще и занимался благотворительностью...

Да нет, этому не бывать! Конечно, она проиграет! Но вся эта затея, пожалуй, оказалась гораздо интереснее, чем он думал. Может быть, ему удастся уговорить ее заключить еще одно пари – персонально между ними, и он совершенно точно знал, что это будет за пари.

– Идет, – сказал Грейдон.

– Эмма, – обеспокоенно пробормотал сэр Джон.

– Идет! – Она гордо вскинула голову.

Глава 5

– Эмма, вы должны отказаться от пари. Немедленно! – Сэр Джон казался очень взволнованным.

Эмма вздохнула. Всю ночь, шагая из угла в угол своей маленькой спальни, она убеждала себя в том же. Но всякий раз, когда она решала отступить, перед ее взором появлялись насмешливые зеленые глаза, обвиняющие ее в трусости. Этот проклятый герцог Уиклифф даже не скрывал, что считает ее саму и ее учениц ни к чему не годными дурочками.

Эмме было известно, что очень многие мужчины были того же мнения. Даже если она переубедит одного из тысяч ему подобных, то вряд ли пробьет брешь в этой стене упрямства и невежества. Но нет, сейчас не до логики! Она обязательно должна победить в этом состязании интеллектов, ведь тогда еще три девушки смогут учиться в академии. Более того, герцог же обещал пожизненно платить за нее ренту!

– Я пришла к вам не за советом, сэр Джон, – собравшись с духом, ответила Эмма и достала с книжной полки в его кабинете потрепанный том – «Исследования в области налогов». – Это про налоги на землю? – осведомилась она, показывая книгу сэру Джону.

– Товары и собственность. Эмма...

– Вы считаете, что я не смогу выиграть. – Она положила книгу поверх быстро растущей стопки специальных изданий по экономике, агрономии и строительству.

– Вы никогда ничем подобным не занимались. А герцог Уиклифф прекрасно знает, как управлять поместьем. Заплатите новую ренту. Да, она высока, но вполне вам по силам.

Эмма, пролистав еще одну книгу, поставила ее обратно на полку.

– Нет. Эти деньги нужны для другого. Бывает, когда ни в коем случае нельзя идти на компромисс.

– А если вы проиграете, что тогда?

– Не проиграю. Вы же знаете: если я что-либо задумала, то довожу до конца. Можете мне поверить, я очень серьезно отношусь к этому пари.

Эмма отряхнула пыльные руки. Несмотря на только что сказанное, никакой уверенности в победе она не чувствовала. Очень заманчиво было бы прислушаться к совету сэра Джона, тем более что Эмма напросилась приехать в Бейсингсток не только для того, чтобы просмотреть библиотеку, а еще и заручиться его моральной поддержкой. Если он снова начнет ее отговаривать, она, чего доброго, расплчется, а ей никак сейчас нельзя проявлять слабость.

– Я ничего не знаю о сельском хозяйстве, – признался сэр Джон. – Все, что я могу сделать, – это одолжить вам книги, а моему совету вы, как я вижу, следовать не собираетесь.

На лице Эммы появилась вымученная улыбка.

– Вы поступите своими принципами, если сможете непослушной клиентке донести эту тяжесть до повозки?

– Разрешите мне, – произнес неожиданно низкий мужской голос.

Эмма вздрогнула. Как такой крупный мужчина, каким был герцог Уиклифф, сумел совершенно бесшумно оказаться за ее спиной? Мысленно восстановив свой разговор с сэром Джоном, она пришла к выводу, что, слава богу, не сказала ничего такого, что могло бы в дальнейшем ей повредить.

– Ваша светлость, что вы делаете в Бейсингстоке?

Своими широкими плечами Уиклифф загородил весь дверной проем. На нем были бриджи из оленьей кожи и редингот цвета ржавчины, в котором он казался еще больше похожим на громадного африканского льва с золотистой гривой – мощного и уверенного в себе, высматривающего газель, которой можно было бы позавтракать. Эмма проглотила комок, неожиданно вставший у нее в горле.

– Я искал вас, мисс Эмма.

Хоть она и не газель, но без борьбы не сдастся. Во всяком случае, покажет этому хищнику свои острые рожки, ведь ей приходится защищать целое стадо маленьких газелей.

– Зачем же? Чтобы извиниться?

Герцог оттолкнулся от притолоки.

– Извиниться? Перед вами? Ну уж нет. Скорее, я жду извинений от вас, а также уплаты ренты. А вмешивать в наши дела сэра Джона нет никакой необходимости.

– Я и не вмешиваю сэра Джона, это делаете вы. – Она взяла со стола несколько томов. – Я приехала сюда за научными материалами, вот и все.

Проскользнув мимо Грейдона, Эмма вышла на улицу и положила книги на дно повозки, запряженной одной лошадью. Повозка принадлежала академии и обычно использовалась для того, чтобы отвозить учениц в деревню или к озеру, где проводились уроки ботаники и зоологии.

Когда Эмма собралась вернуться в кабинет сэра Джона за оставшимися фолиантами, то чуть было не столкнулась с Уиклиффом. Нагнувшись, он взял лежавший сверху увесистый труд.

– «Закон об ограничении права распоряжения собственностью»? Это вам не поможет.

Эмма выхватила у него книгу.

– Вас, ваша светлость, это совершенно не касается.

Она пошла обратно в кабинет сэра Джона, чувствуя, что Уиклифф идет за ней по пятам. По спине и рукам у нее побежали мурашки. Пожалуй, странные он вызывает у нее ощущения, подумала Эмма, ведь он ей даже не нравится. И тем не менее его присутствие почему-то очень... воодушевляет.

– Вы можете задать мне интересующие вас вопросы. У меня есть кое-какой опыт в этой области.

– Неужели вы полагаете, – возмутилась она, – что я стану следовать тому, что вы мне посоветуете? Мы оба знаем, что вы не намерены упускать возможность выиграть пари и содрать с меня ренту и говорите просто так, потому что вам приятно слушать самого себя.

Эмма взяла было еще одну стопку, но Уиклифф столкнул книги обратно на стол. Эмма невольно проследила взглядом за его рукой. Грей был рослым мужчиной, и она ожидала, что и руки у него окажутся огромными, но это была рука художника – небольшая, изящная, с длинными пальцами.

– Я вовсе не просто так говорю. Я предложил вам помочь отнести книги. Кроме того, какие бы я ни дал вам советы, вы все равно проиграете.

Эмма встретила взгляд его зеленых глаз и ощутила холодок в груди.

– Ну что же, отлично. Можете тащить все вниз. – Обогнув письменный стол, она подошла к сэру Джону, чтобы пожать ему руку на прощание. – Спасибо за книги, сэр Джон. Я скоро вам все верну.

– Можете не торопиться, Эмма. – Сэр Джон повернулся к Уиклиффу: – Ваш друг мистер Бламтон и я собираемся сегодня днем составить бумагу, в которой будут записаны условия вашего пари. Скажите, каков его срок?

– Четыре недели, если этого достаточно для вас, мисс Эмма. Но если вам понадобится...

– Четырех вполне достаточно.

– Хорошо.

– Я хотел бы дать вам совет, ваша светлость, – нерешительно вмешался сэр Джон. – Может быть, лучше уладить ваши разногласия сразу, а не через месяц?

– Я уже предлагал это. – Уиклифф без всяких усилий поднял тяжеленные тома. – Решение за мисс Эммой.

Он опять ее дразнит.

– Я не собираюсь отказываться от пари, которое непременно выиграю. До свидания, сэра Джон.

– Сэр Джон, – учтиво поклонился Уиклифф.

Она затылком чувствовала его взгляд, когда он шел за ней.

– Разве у вас нет своих дел, ваша светлость? – как можно более беззаботным тоном спросила Эмма. – Например, выгонять арендаторов с насиженных мест или пересчитывать поголовье скота?

Уиклифф сложил книги на дно повозки.

– Я сегодня уже пересчитывал, просто чтобы не забыть, как это делается. Естественно, с разрешения дяди.

С чувством юмора у него все в порядке. Она бы его оценила, если бы ее не одолевало желание хорошенько пнуть его.

– Что вы здесь делаете? Не ждали же вы, что я начну извиняться?

– Давайте пройдемся, – сказал он и предложил ей руку.

– Я не хочу гулять с вами.

– Захотите, когда узнаете, зачем я здесь.

Чтобы скрыть смущение, Эмма вздохнула. Положив последнюю книгу в повозку, она скрестила руки на груди.

– Сначала скажите, иначе я должна буду отклонить ваше предложение.

Он с минуту изучал ее лицо, а Эмма между тем изо всех сил старалась думать о чем-нибудь постороннем и не краснеть. У нее никогда не возникало подобных проблем ни с сэром Джоном, ни с лордом Хаверли, ни с каким-либо другим мужчиной, с которым она имела дело, управляя академией. Если она ведет себя так только потому, что Уиклифф – красавец, то она просто дура. А если всему виной более глубокое влечение, тогда она больше чем дура. Он не намерен ее шадить и не делает из этого секрета.

– Я подумал, почему бы нам не соревноваться при равных условиях, – сказал он. – С разрешения дяди я снял копии с документов, касающихся Хаверли. Эти сведения могли бы вам пригодиться.

– Какие же, к примеру? – спросила Эмма в недоумении.

– Размер площади посевов, поголовье скота – коров, овец, свиней и так далее.

– Что ж, – ее голос неожиданно стал хриплым, – очень великодушно с вашей стороны.

На губах герцога заиграла чувственная и одновременно лукавая улыбка.

– Я также набросал свой план оздоровления финансов Хаверли и обозначил сроки. Но если вы со мной не прогуляетесь, я ничего вам не дам.

– Это шантаж?

– Нет. Это подкуп. Так да или нет, мисс Эмма?

Эмма ненавидела, когда ею пытались манипулировать, особенно столь откровенно, как сейчас. С другой стороны, такая информация могла бы помочь ей сэкономить время, когда она будет разрабатывать свои меры спасения поместья. Если бы не это, она помчалась бы обратно в академию с такой скоростью, на какую только был способен Старый Джо.

– Да, но прогулка должна быть короткой. – Заложив руки за спину, Эмма быстрым шагом пошла по булыжной мостовой.

Уиклифф догнал ее.

– Почему вы не хотите взять меня под руку?

– Потому что мы не родственники и принадлежим к разным слоям общества, кроме того, я не нуждаюсь в сопровождающих.

– Это что – один из ваших уроков?

Эмма замедлила шаг, недовольная тем, что он смеется над ней.

– Боже мой, я и не предполагала, что вы настолько плохо подготовлены к преподаванию в нашей школе. Вы уверены, что не хотите отменить пари?

И ведь ничуть не смутился, будь он проклят!

– А вы не забыли, что я не одобряю ни одной из тем программы академии?

Эмма вдруг усомнилась, разумно ли было с ее стороны доверить ему класс.

– А ведь вы должны, ваша светлость, помочь юным неопытным девушкам стать настоящими леди. Если вы хотя бы на шаг от этого отступите, я буду считать, что вы проиграли.

– Благодарю вас за ваше предположение об отсутствии у меня моральных качеств, но я помню условия.

– Вот и отлично. – Она все равно с него глаз не спустит, пусть не надеется! – Я преподаю нескольким отстающим ученицам основы этикета, ваша светлость. Не хотите ли для начала посетить мои уроки?

– Я подумаю, – сухо откликнулся Грейдон. – Возможно, и вы захотите прийти на мои?

– О! Непременно.

– Хорошо. Я мог бы давать и частные уроки.

Эмма остановилась. Этот игривый тон и то, что он означал, не на шутку обеспокоили ее.

– Но только не школьницам.

Герцог встал прямо перед ней. Ее лицо оказалось как раз на уровне его груди, так что ей пришлось поднять глаза, чтобы встретить его взгляд.

– Я не имел в виду ваших школьниц.

– Ах вот как! – Эмма напонила себе, что у него репутация повесы и скорее всего он не упустит случая пофлиртовать. Ей придется все время быть начеку, будет ли он с воспитанницами или с ней, как сейчас.

– Частные уроки – это, безусловно, неплохо, но, помилуйте, какое они имеют отношение к количеству свиней в Хаверли?

– Хотелось бы понять, легко ли направить вас по ложному пути, – усмехнулся Грейдон.

– Боюсь, что разочарую вас. – В этот момент они прошли мимо витрины булочной Уильяма Смоллинга, и Эмма увидела, что сам мистер Смоллинг и две покупательницы с любопытством смотрят на них сквозь стекло. Черт, этот Смоллинг – сплетник каких мало! – К вашему сведению, я читаю целый курс о мужчинах, похожих на вас. Вам не удастся сбить меня с толку.

Сверкнув белозубой улыбкой, Грей продолжил:

– То есть вы не боитесь красивых обаятельных мужчин?

– Да, совершенно верно. Ни капельки.

– Тогда почему вы все время краснеете?

Эмма почувствовала, как кровь прихлынула к ее щекам и ей стало невыносимо жарко.

– Возможно, ваша светлость, меня и смущает ваше высокомерие, но не воображайте, что я удеру, поджав хвост.

– А я вовсе не хочу, чтобы вы удирали, – тихо сказал Грейдон. – Это не входит в мои планы.

Господи. Надо срочно провести урок на тему «Повесы и как их избегать».

– Судя по вашим словам, для вас это не более чем развлечение? Вот поэтому вы и проигрываете пари, ваша светлость. Позвольте уверить вас, что я отношусь к нашему состязанию гораздо серьезнее.

Неожиданно герцог протянул к ней руку, и она замерла. Но вместо того чтобы, как она ожидала, погладить ее по щеке, он поправил сползшую с ее плеча шаль.

– Очень жаль, – пробурчал он.

А она-то хороша – чуть не подставила лицо этому наглецу!

– Да, я не считаю наше пари игрой. А вы играете сразу в несколько игр, и все у вас получаются плохо. Мне безразлично ваше обаяние, да и ваша... манера выражаться не производит на меня никакого впечатления.

Презрительно улынувшись, Эмма повернулась и пошла обратно. Провожая взглядом ее удаляющуюся фигурку, Грей размышлял о том, когда именно сошел с ума. Он уже не в первый раз имел дело с непокорным арендатором. Но чтобы ему предъявляли ультиматумы, не слушая никаких возражений, да еще и заключали с ним пари – это было что-то новое. И арендаторы – даже такие самоуверенные и кареглазые – никогда не давали ему подобного отпора, а уж тем более не говорили, что он груб и необаятелен.

– Я еще не завершил свою игру, Эмма Гренвилл, – пробормотал Грей, задумчиво глядя, как ее повозка проезжает мост, обозначающий восточную границу Бейсингстока. – Равно как и вы – свою.

Он поспешил вернуться к тому месту, где была привязана его лошадь, чтобы догнать Эмму. Она уехала прежде, чем он успел отдать ей копии документов. Кроме того, он не смирился с тем, чтобы последнее слово осталось сегодня за ней, – его роль в этой нелепой комедии не окончена, и уж он постарается, чтобы последнее слово было за ним.

Дорога у моста делала поворот, и когда Грей миновал его, то увидел, что повозка Эммы остановилась, а рядом с ней – какого-то всадника.

Сначала он подумал, что это Тристан, но потом заметил, что незнакомец сидел на лошади не так уверенно, как виконт, о котором говорили, что он словно родился в седле. Пожалуй, этот всадник чувствовал бы себя гораздо лучше, передвигаясь пешком. Увидев, как тот склонился к Эмме, ухватившись одной рукой за спинку сиденья, Грей немедленно решил, что вываливает этого нахала в грязи, и подхлестнул коня.

– Эмма, какое удивительное совпадение, – сказал он многозначительно, поравнявшись с ними.

Всадник, выпрямившись, обернулся. Грей сразу же узнал его: это был тот самый денди, который шокировал вчера вечером своими аплодисментами театральную публику. У него непроизвольно сжались кулаки. Он не позволит этому юнцу сорвать его планы относительно директрисы.

– Вряд ли это совпадение, – отозвалась Эмма, и было видно, что она недовольна новой встречей с герцогом. – Мы расстались всего две минуты назад.

– Вы – герцог Уиклифф, – протянул юноша.

– А вы... – Грей стал вспоминать его имя. Вчера дядя Деннис назвал его... – Фредди Мейберн. – Кто бы он ни был, Грей надеялся, что он поймет намек и уедет, ведь ему надо закончить разговор с Эммой.

– Вы обо мне слышали, да? – Ничуть не смутившись холодным тоном Грейдона, Фредди улыбнулся. – Я говорил Джейн, что сделаю себе имя в Лондоне, но мне и в голову не могло прийти, что такой человек, как лорд Уиклифф, знает меня.

– Я всего лишь видел, как вы аплодировали вчера на спектакле в академии, – сдержанно ответил Грей.

Улыбка Фредди немного поблекла.

– О!

– К вашему сведению, мистер Мейберн, главный трюк, если хочешь завоевать девушку, заключается в том, чтобы не дать ей понять, что она хотя бы в малейшей степени вас интересует.

– Я бы заменила слово «трюк» на «задача». – Эмма натянула поводья, и повозка тронулась с места.

Фредди между тем подъехал ближе к Уиклиффу.

– На самом деле, ваша светлость, я надеялся поговорить с...

– Извините меня, – прервал его Грей и, оставив Мейберна посреди дороги, поехал вслед за Эммой. Самое забавное, думал он, что это может войти в привычку: гоняться за мисс Гренвилл по Гемпширу. Обычно женщины преследовали его, а не наоборот. Догнав Эмму, он сказал: – Вы кое-что забыли.

– Да, знаю, но в тот момент, когда вспомнила об этом, я уже уехала.

– Значит, признаетесь, что сбежали? – удивился Грейдон.

– Я прервала разговор, который был мне неинтересен. Вы задались целью оскорблять меня до тех пор, пока не отдадите документы, или все же намерены вести себя благородно?

Она искоса взглянула на него из-под полей соломенной шляпы. Было ли это приглашением к флирту? Грей не был в этом уверен, однако вожделение окатило его удушливой горячей волной. Не в силах сдержаться при виде обращенного к нему личика с пухлыми, слегка приоткрытыми губами, он наклонился и прижался к ним ртом.

Поцелуй длился секунду, не более, но пронзил его, будто молнией. Немного опомнившись, Грей выпрямился. Глаза Эммы были закрыты. Желание прыгнуть к ней в повозку боролось в нем с инстинктивным порывом бежать. Он не помнил, чтобы когда-либо так реагировал на поцелуй. Ему нравилось целоваться, и, как ему говорили, делал он это отлично, но еще никогда простое соприкосновение губ не сводило его с ума, как это было сейчас.

Эмма открыла глаза. В них одновременно читались испуг и удивление.

– Что вы... что вы себе позволяете?

Призвав на помощь все свое умение держать себя в руках, Грейдон пожал плечами:

– Вы сказали, что читаете курс о поведении таких мужчин, как я. Как вы думаете, что я сделал?

– Я не унижусь до ответа, – немного запинаясь, произнесла она. – Пожалуйста, ваша светлость, отдайте мне документы.

Он молча достал из кармана сверток и, передавая его Эмме, коснулся ее пальцев. Не взглянув на бумаги, она положила их рядом с собой на сиденье. Ее лицо все еще горело ярким румянцем.

– Спасибо.

Эмма натянула поводья, и старая лошадка снова не спеша побрела по дороге.

Грей решил не отставать. Как бы этот поцелуй ни возбуждал его самого, на Эмму он действовал гораздо сильнее. Она наверняка не привыкла к мужскому вниманию и теперь скорее всего обдумывает, какую пользу можно из этого извлечь. А раз так, соблазнить ее будет легко. Это самое замечательное пари, которое он когда-либо выигрывал. Грей почти не сомневался, что, не проехав и мили, она будет готова броситься ему на шею.

Но когда половина намеченной им дистанции осталась позади, Эмма спросила:

– Почему вы все еще здесь?

Такого вопроса он не ожидал.

– Вы уже начали работу над своей частью пари, – все же нашелся он, – а я собираюсь начать работать над своей.

– Что? – Повозка резко остановилась.

– Мне хотелось бы встретиться со своими ученицами, мисс Эмма. Если вы, конечно, не возражаете.

Судя по выражению ее лица, она возражала, но Грей приготовился стоять на своем. Неожиданно Эмма кивнула:

– Вход на территорию академии мужчинам воспрещен, но на сей раз мне придется сделать исключение.

– Да уж, другого варианта нет, – согласился он.

– Но вашу работу будут все время контролировать.

– Кто? Вы?

Отвернувшись, она стала смотреть на дорогу.

– Я директриса, но в школе работают компетентные учителя, ваша светлость. А когда у меня будет возможность, я загляну к вам на урок, но большую часть времени постараюсь непременно посвятить тому, чтобы выиграть пари.

Грей сердито глянул на ее профиль. Может, поцелуй не так уж сильно на нее подействовал, как он думал? Следующий будет покрепче.

– Даже если вы будете заняты этим двадцать четыре часа в сутки, пари вам не выиграть.

– Полагаю, один из нас ошибается, и совершенно уверена, что это не я.

Эта перепалка могла бы продолжаться целый день, но, по правде говоря, Грею не терпелось встретиться с юными леди, которые помогут ему одержать победу над мисс Эммой. Первое, чему он не станет их учить, – это как добиться успеха в свете. А научить их флиртовать и строить глазки не составит ему особого труда и поэтому окажется невысокой платой за то, чтобы заставить академию – и Эмму Гренвилл – пасть перед ним на колени.

У входных ворот на табурете, прислоненном к чугунным воротам, сидел настоящий тролль. Во всяком случае, он выглядел как тролль – старый и скрюченный. Не хватало лишь трубки – и образ был бы законченным. При их появлении он встал – ноги у него оказались на удивление длинными – и в знак приветствия стянул с головы бесформенную шляпу.

– Доброе утро, мисс Эмма.

– Доброе утро, Тобиас.

Когда повозка проехала внутрь ограды, Тобиас, выйдя на середину дороги, остановился перед конем Грея:

– Простите, сэр. Мужчинам сюда нельзя.

– Кто вы такой? – удивился Грей.

– Привратник, – осклабилась тот.

– Нет, нет, Тобиас, – крикнула Эмма. – Пропустите лорда Уиклиффа, но только сегодня. Я дам вам расписание, когда его светлость может приезжать в академию.

Снова сняв шляпу, тролль отошел в сторону.

– Вы, верно, герцог из герцогов, ваша светлость, коли вам разрешили войти в ворота, хоть нынче и не день посещений.

Глядя вслед удаляющейся повозке, Грей наклонился к Тобиасу и спросил:

– Она всегда такая строгая?

– Да, ежели дело касается распорядка, но девочки для нее – все. С виду строга, а сердце у нее большое – больше, чем весь восточный Гемпшир.

Такая лестная характеристика не на шутку огорошила Грея. Но он же не собирается в самом деле отнимать у нее академию, подумал он, прищипывая Корнуолла. Он хочет лишь преподать ей урок, указав ей на ее место в обществе. И Бог даст, в его постели.

– Вы идете, ваша светлость?

Эмма уже соскочила с повозки и стояла, скрестив руки на груди, у главного входа здания академии. Ворота за спиной Грейдона захлопнулись. Хмураясь, он спрыгнул с коня. И так, его заперли в школе для девочек. Если бы об этом узнала его мать, то умерла бы от смеха. А леди Кэролайн и прочих этих охотников за сплетнями, возможно, хватил бы апоплексический удар. Эта мысль ему понравилась. Да и в конце-то концов, это не самый плохой способ провести время.

Глава 6

Эмма, стараясь идти не торопясь, провела герцога в Академию мисс Гренвилл. Ученицы, изучающие предмет «Лондонские светские добродетели», верно, давно ждут ее в классе, удивляясь, почему мисс Эмма задерживается. А у нее даже не было времени придумать уважительную причину своего опоздания.

Эмме не хотелось сваливать вину на Фредди Мейберна, этого провинциального ловеласа. Она никогда не позволит ему встречаться с леди Джейн, пусть даже не мечтает. Но как бы ни раздражал ее Фредди, не он занимает последние несколько часов ее мысли. Нынешняя проблема куда больше. Больше на целых шесть футов и еще несколько дюймов.

Герцог Уиклифф поцеловал ее. Зачем, спрашивается, ему это понадобилось? Грейдон Брэкенридж, конечно, распутник, но он очень богат и красив – наверняка самые прелестные женщины Лондона окружают его на всех балах и приемах. Он мог бы поцеловать любую из них, если б только захотел.

Сейчас, когда он шел за ней по коридору, Эмма, удивляясь сама себе, вспоминала, каким приятным был его поцелуй. Ее впервые поцеловал герцог. Интересно, он собирается сделать это еще раз? Пожалуй, она не станет сопротивляться настойчивому, но нежному прикосновению его теплых губ.

Размышляя обо всем этом, Эмма даже не заметила, как они подошли к классу. Уиклифф чуть было не налетел на нее – так неожиданно она остановилась. Стараясь не оборачиваться, чтобы ничем не выдать своего смущения, она вошла в комнату, где пятеро отобранных ею учениц, разом умолкнув, уставились на огромного золотогривого льва. Эмма собиралась встретиться с ними раньше и все объяснить, но герцог ее перехитрил.

– Леди, – обратилась она к девочкам деловым тоном, – разрешите представить вам его светлость герцога Уиклиффа. Некоторое время он будет вести занятия в вашем классе.

– Рехнуться можно! – прошептала Джейн, медленно опускаясь на стул.

В другой момент Эмма заставила бы леди Джейн перефразировать свое выражение, но при данных обстоятельствах это было бы неправильно.

– Встаньте, пожалуйста, и представьтесь.

Джейн снова вскочила.

– Леди Джейн Уайдон, – сказала она, сделав книксен. Ее голос чуть-чуть дрожал, но Эмма почувствовала, как понемногу напряжение отпускает ее. Это были лучшие, самые способные ученицы академии, и, каков бы ни был исход пари, она имеет все основания ими гордиться.

– Леди Джейн, – проговорил герцог довольно сухо.

Эмма украдкой взглянула на него. Он держался так же свободно, как всегда, но она могла бы поклясться, что его загорелое лицо слегка побледнело. И вообще у него был такой вид, словно он был бы рад сбежать.

Мэри Могри удалось не упасть в обморок, когда она произносила свое имя, а Генриетта Брендейл и Джулия Потуин, как ни странно, не захихикали, представляясь герцогу.

Сидящая справа от Джейн невысокая веснушчатая девочка поднялась последней и отчетливо кивнула почти по-военному:

– Мисс Элизабет Ньюкомб. Вы потеряли свои земли?

– Элизабет! – одернула ее Эмма, ничуть не удивившись, что на этого чертенка герцог Уиклифф Брэкенридж не произвел должного впечатления.

Уиклифф еле заметно выпрямился.

– Всего нет. А почему вы так решили?

– Я пытаюсь понять, зачем вашей светлости понадобилось заменять мисс Эмму?

– А-а. – Он покачался на каблуках. – Мы с мисс Эммой заключили пари.

Эмма вздрогнула. Очевидно, Грейдон Брэкенридж не имеет ни малейшего представления о том, как обращаться с этими юными любопытными созданиями. В подобных вопросах преимущество на ее стороне.

Лиззи понимающе кивнула:

– И о чем пари?

Сложив руки на груди, Эмма прислонилась к небольшому письменному столу.

– Да, ваша светлость, о чем наше пари?

Взгляд, которым Грейдон одарил ее, был полон раздражения. Но ведь не она объявила половину человечества глупой и ни на что не годной, поэтому пусть выкручивается как хочет.

– Мисс Эмма уверяет, что сумеет управлять поместьем моего дяди лучше меня, – громко, слегка ироничным тоном объявил он. – А я уверен, что могу научить вас лучше, чем она, как вести себя на балах.

– Не сможете, – фыркнула Элизабет, – никто ничего не умеет делать лучше, чем мисс Эмма. Вы проиграете.

– Я вполне допускаю, что мисс Гренвилл прекрасно учит вас вышиванию и этикету. А мой...

– Нет, вышивание нам преподает мисс Перчейз. – Мэри, опустив глаза, снова сделала книксен.

Грейдон откашлялся.

– Спасибо, мисс... Могри, но я собираюсь обучать вас практике...

Девочки были явно озадачены, и Эмма, стоя позади Уиклиффа, позволила себе улыбнуться. Все, что предстоит сделать ей, – это определить рыночную стоимость нескольких акров ячменя и части стада и порекомендовать продавать их в правильных пропорциях. А в задачу герцога входит не только обучать светским премудростям довольно упрямых молодых девиц, которые вовсе не так безмозглы, как он полагает, но и завоевать у них авторитет, чтобы они захотели применить полученные знания на практике. И судить о том, кто лучший учитель – он или она, будут эти же самые упрямыцы. Нет, у него решительно нет никаких шансов!

Шум за открытой дверью привлек ее внимание. Учительницы и воспитанницы столпились в коридоре, чтобы хотя бы одним глазком взглянуть на необычного посетителя. Эмма подошла к двери.

– Разойдитесь по своим классам, леди, – строго сказала она и закрыла дверь.

Их интерес был понятен: кроме отцов, братьев и зрителей спектаклей, ни один мужчина не имел права приходить в академию. Появление такого яркого представителя противоположного пола среди пяти дюжин любопытных девушек было подобно тому, как если бы в комнату, полную сухих дров, внесли горящий факел. Господи, даже она позволила ему поцеловать себя, а она-то прекрасно умеет держать себя в руках.

В комнате воцарилась мертвая тишина. Девочки и их новый учитель явно оценивали друг друга, и по собственному опыту Эмма знала, что Лиззи уж точно приготовилась броситься в бой.

– Я понимаю, леди, что вы удивлены, но считайте, что это своего рода эксперимент, – обратилась Эмма к классу. – Его светлость очень хорошо... знаком с лондонскими сезонами и их правилами и хотел бы передать вам свой обширный опыт. Его знания могут особенно пригодиться тем, кому предстоит дебют в обществе, например Джейн и Мэри.

Так-то. Теперь они на равных: она вернула ему стоимость документов, которые он передал ей. Грейдон, посмотрев на нее оценивающим взглядом, подошел поближе.

У Эммы чуть было не остановилось сердце: неужели он собирается поцеловать ее здесь? Он стоял к девушкам спиной, поэтому они не могли видеть, как его губы растянулись в саркастической улыбке.

Эмма произвольно отступила, прошептав:

- Только не в присутствии учениц.
- Отложим на потом, – также шепотом ответил Грей с явной иронией и взял указку, лежавшую на письменном столе.
- Мисс Эмма, значит, нам не надо заниматься французским? – спросила Джулия.
- Эмма очень надеялась, что никто из девочек не заметил, как она покраснела.
- Нет, вы будете заниматься теми же предметами, которые мы проходили, когда я вела ваш класс.
- Вы все изучаете французский? – неожиданно спросил Уиклифф.
- Нет, только Генриетта, Джулия и я, – ответила Элизабет. – Джейн мне помогает, но она все время забывает спряжение глаголов в имперфекте.
- Лиззи! – залилась краской Джейн. – Я все помню. А вот тебе не мешало бы почаще заглядывать в словарь.
- Мне не пришлось бы, – вздохнула Элизабет, – если бы ты мне рассказала, как...
- Эмма подошла к двери. Пожалуй, для начала неплохо – хороший первый урок, если не для девочек, так для герцога Уиклиффа точно.
- Прошу меня извинить, но я должна просмотреть кое-какие бумаги. – Она выглянула в коридор. Там в полуобморочном состоянии стояла мисс Перчейз, которую Эмма уже соответствующим образом проинструктировала о появлении в их рядах герцога. – Мисс Перчейз будет сегодня присутствовать на уроке, – сказала Эмма, незаметно подтолкнув престарелую даму в класс.
- А-а, учительница вышивания!
- Мисс Перчейз также преподает латынь, ваша светлость. Я вернусь ко времени ленча, чтобы проводить вас до ворот. В вашем распоряжении, – она посмотрела на стоявшие на полке часы, – сорок две минуты. Желаю успеха, ваша светлость. Имейте в виду, – добавила она, показав на колокольчик рядом с часами, – им можно воспользоваться в случае чего-либо непредвиденного. Позвоните, если возникнет необходимость вас спасти.
- Спасибо, но это мне вряд ли понадобится.
- Как знать!

Когда точно через сорок две минуты Грейдон вышел за ограду академии, его уже поджидал Тристан.

- Слава богу, ты жив, – воскликнул виконт, шурясь от яркого полуденного солнца.
- А почему бы и нет? – ответил Грей и услышал, как ворота с лязгом захлопнулись за ним. Но если быть честным с самим собой, голова у него раскалывалась.
- До свидания, ваша светлость, – крикнул тролль из-за ворот крепости.
- До завтра, Тобиас.
- Серый жеребец виконта пошел легким галопом рядом с конем герцога.
- Когда ты в первый раз упомянул об академии, то сказал что-то вроде того, что скорее сдохнешь, чем переступишь ее порог. А от твоего камердинера я узнал, что ты поехал в эту сторону уже второй раз, и, совершенно естественно, предположил самое худшее. Надо же, ты даже знаешь, как зовут привратника.

Деревенский воздух, видимо, развязал язык его камердинеру, подумал Грей. Придется с ним серьезно поговорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.